

ЯНИНА ЛОГВИН

ТОЛЬКО

мы

Янина Логвин

Только ты

«Автор»

2023

Логвин Я.

Только ты / Я. Логвин — «Автор», 2023

Мой сводный брат. У тебя есть все: дом, семья, родители... Я ничего не просила и ничего не ждала. Мне было уютно в своем мирке, пока в нем не появился ты. Но ты проник под кожу и оставил раны. Надеюсь, что однажды я забуду тебя. Я и сам не знаю, почему злюсь. Почему эта тощая девчонка заставляет меня снова и снова думать о ней. Сводная сестра. Чужая плоть и кровь. Непрошенная гостья в моем доме, в моей комнате, в моей жизни... Ты пожалеешь, что однажды переступила ее порог.

© Логвин Я., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая	6
POV Стас[1]	13
POV Настя	15
POV Стас	23
POV Настя	29
POV Стас	34
POV Настя	37
POV Стас	42
POV Настя	46
POV Стас	48
POV Настя	52
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Янина Логвин

Только ты

Роман посвящается вам, дорогие читатели, а также моим верным помощницам – Ире и Кристине, вдохновившим меня на эту историю.

* * *

Часть первая

Он всегда казался нерешительным. Мягким, безвольным человеком, для которого любое принятие решений виделось чем-то сродни душевной муке или потере почвы под ногами. Я была отголоском его прошлой жизни, острым росчерком пера, однажды испортившим цельную картину натюрморта, и долгое время он предпочитал не вспоминать обо мне.

Первенец. Единственный ребенок. Дочь, рожденная в браке, который оборвался ночной аварией в то время, когда он еще мог любить. Так говорила бабушка, так полагала я, а как было на самом деле – не думаю, что когда-нибудь узнаю. Он бежал от меня как чумной, вспоминая о дочери лишь в короткие визиты к матери, и я всегда знала, что нелюбима и нежеланна. Пустой формуляр человеческих отношений, который время от времени требуется заполнять вниманием. Коротким, как галочка или клик «ок!». Клик «ок!» в ответ на осторожное «папа?», и больше ничего.

С тех пор у моего отца было много женщин, уютных домов и теплых компаний – где-то далеко от меня в больших городах – но вот семья появилась значительно позже. Впрочем, когда я узнала о ее существовании, отец как раз успел отметить трехлетний юбилей своих отношений.

– Познакомься, Настя. Это – Галина Юрьевна Фролова. Мой официальный директор, а в личной жизни – жена. Она о тебе наслышана.

– Здравствуй, Настя.

– Здравствуйте.

– А это сын Галины Юрьевны – Стас, твой сводный брат. Вы с ним почти ровесники, Стас лишь немногим старше, так что мы с Галей очень надеемся, что вы подружитесь.

В ответ холодное молчание, и мое робкое:

– Здравствуйте...

В ту осень дожди лили непрерывно. В нашем северном городке не было никакой возможности избавиться от холодной сырости. Она проникала сквозь стены и окна, забиралась под кожу и гуляла в крови хандрой пасмурного дня. Сначала заболела я, а после, когда погода расшалилась не на шутку, встречая прохожих ледяным ветром и снежным крошевом, с воспалением легких слегла и бабушка. В городе отца мы оказались вдвоем: она в больнице, а я – в новом красивом доме его семьи. Большом, просторном, неприветливом, так непохожем на нашу старенькую маленькую квартиру в городке. То, что этому дому никогда не стать моим, я почувствовала, едва переступив порог.

Они стояли в холле – мать и сын, когда отец, выпустив меня из машины, распахнул дверь и ввел свою дочь в дом. Виновато передернув плечами, стянул с шеи шарф, опуская сумку у моих ног.

– Ну вот, Галя, мы и приехали. Моя Настя.

Моя Настя. Это был первый раз, когда я провела почти два дня рядом с отцом, пусть не в любви, но в относительной заботе с его стороны, и сейчас чувствовала, как под взглядом незнакомой женщины отец вновь отдаляется, улыбаясь ей куда охотнее, чем мне. Своей пятнадцатилетней нелюбимой дочери.

Мы с бабушкой всегда гадали: похожа ли новая жена ее сына на мою мать? На меня? Мне казалось, что да. Почему-то в это хотелось верить, глядя на родительские фотографии, где мать с отцом были еще молоды и счастливы. Но нет, действительность легко разрушила наши ожидания. Галина Юрьевна оказалась высокой, крупной и даже полноватой женщиной, с взбитой копной блондинистых волос. С волевым подбородком и взглядом валькирии. Когда этот взгляд остановился на мне – серый, немигающий, внимательно рассматривающий мое поношенное пальто, собственноручно связанную из старой бабушкиной кофты шапку и стоптанные

в морозной слякоти нашего городка сапожки, мне захотелось съежиться под ним в комок и расплакаться от чувства одиночества и чуждости этому дому и этим людям.

Но вместо этого я раскашлялась, едва не потеряв сознание от неловкости и испуга за свою простуду, так не вовремя напомнившую о себе.

– Стас, принеси Насте воды. И помоги уже своей сестре раздеться, хватит стоять столбом!

Я помню ту фразу, сказанную хозяйкой дома, очень отчетливо, потому что это был первый раз, когда я отважилась поднять глаза на своего сводного брата. Не от смелости, а от страха, что он действительно решится помочь мне. Этот взрослый темноволосый парень, чей ледяной взгляд больше всего резанул с порога. И который, я это чувствовала, видел меня насквозь.

Он стоял босиком у ступеней лестницы, сунув руки в карманы домашних брюк, и смотрел на меня холодными неприветливыми глазами.

– Сестре? – темные брови взлетели вверх в искреннем удивлении. – Мать, ты шутишь? Не вздумай подобное сказать при моих друзьях. Батя, ты где ее откопал? Что, в приюте для беженцев прятал? У нее же взгляд побитого щенка!

Батя. Он называл моего отца Батей, тогда как я боялась лишний раз к нему обратиться. Да, мой отец был тихим человеком и потому промолчал, недовольно поджав рот. Затрещина – крепкая, увесистая и звонкая – прилетела сводному брату от его матери. А я все-таки расплакалась, потому что в этот момент поняла, как далеко отсюда мой дом. А еще – что мне абсолютно некуда идти.

Он все-таки помог мне раздеться, брезгливо стянув пальто с худых плеч под напряженными взглядами родителей, негромко переговаривающихся в стороне. Думаю, в этот момент мой отец чувствовал себя так же неуютно, как и я, но слова утешения предпочел сказать жене.

– Сапоги сама снимай, я тебе не нанимался прислуживать. И вот это старье, что напялила – тоже. Моя мать не экономит на отоплении, а у нас сегодня гости. Не знаю, почему Батя не побеспокоился.

На мне был бабушкин кардиган – практичный, теплый и совершенно немодный. В нем я выглядела особенно тощей, если учесть, что всегда была невысокой и щуплой. Но сейчас я бы ни за что не согласилась с ним расстаться, а потому только ту же запахнула на груди толстый воротник, сняла сапоги и вновь уткнулась взглядом в обтянутую футболкой спортивную грудь сводного брата, не в силах больше решиться ни на одно действие.

– И хватит уже реветь, скелетина. Все равно здесь тебя жалеть некому, – зло бросил на ухо, потянувшись рукой к моей голове, сдернул шапку... и заткнулся, когда по плечам рассыпалась непослушная густая копна темно-русых волос, а я подняла на него глаза.

– Стас, покажи Насте, где у нас ванная комната, а после присоединяйтесь к нам с отцом на кухне – ужин стынет!

– Спасибо.

– Пошли уже...

Гостей оказалось четверо – семейная пара и двое детей-подростков, парень и светленькая девчонка приблизительно моих лет. Да, вечер испытаний все еще продолжался, и Галина Юрьевна, увидев меня на пороге кухни за спиной своего сына, постаралась объяснить гостям появление чужого ребенка немного нервно и властно, словно ей кто-нибудь собрался перечить:

– Настя. Дочь моего Гриши от первого брака. Вот, поживет у нас, пока свекровь не поправится. У нас места много, а в нынешние времена ребенка одного в городе оставлять опасно, мало ли что может случиться. По Стаске своему знаю: начудит будь здоров или еще ввяжется куда. В этом возрасте за детьми глаз да глаз нужен, и контроль!

– И что, Галя, ее мама даже не против? – спросила незнакомая женщина, и все за столом сразу затихли.

– Нет у нее мамы, Вера. Только вот Гриша и бабушка.

Сегодня я понимаю, что подобный вопрос прозвучал бестактно. Что, держись отец увереннее возле жены, никто бы не осмелился его задать, а тогда... А тогда он ответил, словно дочери не было рядом, бросив на супругу короткий взгляд.

– Да, Настя живет с моей матерью, ей так удобнее. Родной дом, школа, друзья, ну, вы понимаете... Пусть так и будет.

– Хорошо хоть не сирота, отец есть.

Да, есть. Это, видимо, понимали все, в отличие от меня. Но меня никто не спрашивал, и разговор за столом продолжился. Этот день был слишком трудным, очень долгим и тревожным за судьбу бабушки, я просто не привыкла к подобному вниманию. Открытое и с виду дружелюбное, оно было равносильно пытке, и все время ужина я жалась к углу стола, царапая вилкой пустой краешек тарелки, и куталась в кардиган. Стараясь не смотреть в сторону незнакомых подростков и сводного брата, который не спускал с меня неприязненных серых глаз.

Все закончилось часа через два, когда Галина Юрьевна, проводив гостей, одобрив суету мужа по уборке стола, сказала:

– Как видишь, Настя, дом у нас новый, только два месяца, как отстроили и переехали, не везде успели все устроить и сделать ремонт, так что поспишь-ка ты пока в комнате Стаса. Спальня теплая, с компьютером и ванной комнатой, думаю, там тебе будет удобнее всего.

Я даже не успела удивиться, как сводный брат вскочил из-за стола, едва не опрокинув стул.

– Что-о?! Нет, мам! Ты ведь не серьезно?! Это же бред!

Голос Галины Юрьевны прозвучал неожиданно строго, так, что даже я не усомнилась в ее решении.

– Еще как серьезно.

– Но, блин! Мам, это же моя комната! И мой комп, и ванная, и вообще... Там все мое!

– Поговори у меня еще, собственник! Постыдился бы перед сестрой!

– Да какая она мне сестра...

Еще одна затрещина удалась мачехе на славу, потому что сводный брат сразу же замолчал.

– Да уж, какая есть! Ничего! Поспишь в гостиной на диване! Ты у меня парень не хлипкий, не развалишься.

– Все равно комната – моя!

Они стояли друг против друга – мать и сын, а я даже не могла спрятаться за спину отца.

– Видно, недовоспитала я тебя, Стаська. Ты мне здесь истерики закатывать брось! Я этого не терплю! Так бы и взгрела охламона, только перед Настей за тебя стыдно. В этом доме из твоего – шкура, натянутая на задницу. Ты меня знаешь – не посмотрю, что вырос, так ремнем перетяну, что мало не покажется!

– Ну, спасибо, мама.

– Пожалуйста! И хорошо бы тебе почаще вспоминать о сыновней благодарности. Особенно когда просишь денег на новый телефон и новые шмотки.

– Гриша!

Надо же, отец все-таки оказался рядом.

– Да, Галя?

– Ты-то хоть чего пнем встал, Матвеев? Отнеси уже ребенку сумки наверх! Сколько можно дочь мучить!

Комната сводного брата оказалась на втором этаже. Я молча поднялась по лестнице следом за отцом и остановилась у порога чужой спальни, не решаясь войти. Впрочем, отец тоже замялся, не спеша отворять дверь.

– Как-то погорячилась Галя насчет спальни, – сказал неуверенно, шумно вздохнув, и посмотрел на меня с грустью во взгляде. – Ну да ладно, входи, Настя. Сказано, здесь, значит, будешь обживать здесь. С Галиной Юрьевой в этом смысле не поспоришь...

Он вошел, поставил сумку у двери, неловко осмотрелся по сторонам... Найдя нужным, включил верхний свет... и ушел, буркнув на прощание негромкое и смущенное: «Отдыхай».

Комната действительно оказалась теплой, как и говорила мачеха. Это практически кожей ощущалось после дня в переездах. Небольшой, уютной и какой-то новомодной для меня, пусть и не прибранной, в мальчишеском беспорядке. В старых сапожках ноги промокли, и сейчас, глядя на новый светлый ковер на полу, я вдруг огорчилась, что непременно его испачкаю, если войду. А еще подумала, что не смогу просушить сапожки, а значит, завтра в больницу к бабушке придется идти в мокрой обуви. Я все еще стояла на пороге чужой комнаты, не в силах до конца осознать все со мной произошедшее и набраться смелости войти в спальню сводного брата, когда моего локтя коснулась чья-то рука...

Это прикосновение, неожиданно горячее, отозвалось испугом в каждой клеточке моего напряженного в тревоге и страхе тела. Прозвенело паникой в сердце, и навстречу мачехе, ее внимательному серому взгляду, я повернулась, вздрогнув в плечах, поймав ладонью крик на своих губах.

– Извините...

Она промолчала, но в комнату ввела твердо, обхватив пальцами тонкое запястье. Усадила на кровать, постояв надо мной, и села напротив, отвернув вращающийся стул от компьютерного стола сына.

– Настя, послушай...

– Да? – от переживания и усталости меня начал бить озноб, но я все равно не могла оторвать руки от колен, чтобы обнять себя и хоть немного согреться. Борясь со стыдом и смущением, подняла на женщину глаза.

– Это ты меня извини, девочка. Не так следует встречать падчерицу, но такая уж у нас семья. Да и не умею я вот так, чтобы очень душевно... Все как-то с набега, с наскока получается, не как у людей.

Она замолчала, вновь рассматривая меня, затем громко вздохнула:

– Не понимаю, почему Гриша никогда не говорил о тебе? Не познакомил раньше? Неужели я сама упустила из виду?.. Иногда мне кажется, что я не знаю собственного мужа.

В пятнадцать лет услышать подобную правду от чужого человека так же больно, как в двадцать, поэтому я неловко пожала плечами и опустила взгляд, спрятав под ресницами непрошенные колющие слезы.

– Ладно, разберемся, Настя, ты не переживай. Главное, что теперь знаю. И на Стаську моего внимания не обращай. Разбаловала я его, сама размажорила. Один он у меня рос, без отца и бабушек. У меня работа, мне голову поднять некогда. Всегда все для него было: няньки, сады-репетиторы частные, школы спортивные. Одним ремнем и восстанавливала баланс воспитания. Зато когда оттяну паразита по заднице, как шелковый ходит! По струночке! А здесь, смотрю, подзабыл, как надлежит с матерью разговаривать. Зато учится, слава богу, нормально, не то что я в свое время. На будущий год вот планируем в технический вуз поступать. Будем окончательно делать из Стаськи человека. Это я, девочка: ПТУ, рынок, жареные пирожки. Потом первый ларек, второй, третий... Точка общепита, первое кафе. Честно скажу: нелегко пришлось. Девяностые, разгул преступности, а я одна без мужа, еще и за ребенка в ответе. Даже не верится, через что пришлось пройти. Приходилось и в рукопашную за свое добро вступаться, и с братками стрелку держать. Зато сейчас собственный хлебозавод, первый на область, имеется. Известная сеть пекарен. Новый завод вот в соседней области строю. Ну и еще кое-что в загашнике есть, конечно. Так что ты, Настя, если что надо, не стесняйся, скажи отцу,

денег я дам. Просто мне не до того, понимаешь? Иногда к вечеру имени своего вспомнить не могу, не то что внимание семье уделить.

– Да.

– И наперед вот еще что сказать хочу. Грубоватая я, знаю за собой такой грешок. Не приходилось с девочками дела иметь. Так что ты не обижайся, если невзначай обижу словом. Не нарочно это. Хорошо?

Я смотрела на женщину, незнакомую мне до этого дня, сидящую передо мной с прямой спиной и с мужским взглядом во все глаза. И тянулась к ней, как тянется все живое к теплу. Еще неосознанно, но первый раз ей улыбаясь.

– Нет, не обижусь. Вы хорошая! – слова как-то сами сорвались с губ, и не вернуть назад. Да и не хочется.

Она тоже улыбнулась – несмело и осторожно, как будто пробуя игру улыбки на своих губах. Встав со стула, подошла ближе.

– Стаська станет обижать – говори мне, – предупредила твердо. – Вообще-то, он парень у меня неплохой, но загонориться может. Договорились?

Я давно уже сидела, покашливая, и в ответ смогла только кивнуть. Днем я была у врача, но рука мачехи все равно опустилась на лоб.

– Нет, так дело не пойдет. Еще растемпературишься ты у меня к утру. Давай-ка, не стесняйся, колготки свои мокрые снимай и лезь в горячую ванну. А после спать! И не переживай, сыну сегодня сюда ход запрещен. А завтра мы вместе с новым днем подумаем, как быть.

Как быть – я не знала. Кровать сводного брата, как и вся мебель вокруг, показалась мне большой и удобной, не то что старенький, продавленный диван в бабушкином доме. Но это была не моя кровать, не моя комната и не мой дом, и я, аккуратно сложив вещи на стул, свернулась калачиком на ее краешке, боясь помять свежие простыни. Чувствуя себя в чистой футболке сына Галины Юрьевны незваной и непрошеной гостьей. Однако же мои колготки сохли на батарее, теплый кардиган и платье висели на стуле... Мачеха оказалась права, горячая ванна согрела меня, и, несмотря на сомнения, я все же уснула, прикрывшись краешком одеяла.

Ночью мне снились серые глаза, люто взирающие на меня из-под темной рваной челки, а наутро я все-таки заболела, и пришлось снова вызвать врача.

Следующие два дня прошли в постельном режиме, покое и приеме лекарств. Ко мне заходила мачеха, дважды проведаль отец. Я почти все время спала и все же слышала голоса сводного брата и его друзей, долетающие до меня из соседней комнаты. Когда за стеной, разделяющей наши спальни, слышался громкий хриплый смех, я могла только догадываться, что этот смех обращен на меня, и еще теснее сворачивалась клубком под одеялом. Или, запахнувшись в бабушкин кардиган, забиралась в кресло у окна, подогнув под себя босые ноги, и смотрела, смотрела на первый декабрьский снег, нежной порошей укрывающий двор и длинную улицу с рядом красивых и стройных в своей новизне домов. Разглядывала зажигающиеся в вечернем сумраке окна и представляла себе за полотном штор жителей этих красивых вилл и замков, отгородившихся друг от друга высокими коваными заборами.

От отца я узнала, что поселок, где живет его семья, называется Черехино, и теперь с удовольствием снова и снова пробовала на языке это смешное и мелодичное, похожее на собственный чих название. Смотрела на высокую полосу соснового леса, виднеющуюся вдалеке. На голубые ели и пихты, тоненькие туи, совсем молоденькие, ладные, рассаженные в декоративном порядке во дворе дома мачехи и соседей, и представляла, как здесь, должно быть, будет красиво в Рождество! Не то что в нашем сереньком заводском городишке. С его пятиэтажными хрущевками, деревянными двухэтажками и послевоенными сталинками, блеклыми и неприметными.

В комнате сына хозяйки дома не было телевизора, компьютер я включать не умела, отданный мне отцом телефон связывал меня только с бабушкой... На второй день я набралась смелости и открыла книжный шкаф брата, где красивыми рядами стояли новые книги, еще пахнущие типографской краской. Сначала утянула в постель «Затерянный мир» Конан Дойля, а после и готический роман Энн Райс «Интервью с вампиром», неожиданно найденный на полке.

Но выходные прошли, температура окончательно спала, и на следующее утро Галина Юрьевна разрешила мне спуститься, если ночь пройдет спокойно. Я знала, что этим утром отец с мачехой уедут на работу, и вполне расслышала слова, что о завтраке позаботится мой сводный брат Стас, оставленный дома, чтобы присмотреть за мной, но все равно со страхом засыпала, желая, чтобы завтрашний день никогда не наступил.

Мой страх сам нашел меня. Когда я проснулась и повернула голову, он сидел на моей кровати (на своей кровати, если быть честной), согнув ногу в колене, опершись плечами о стену, и смотрел на меня холодным немигающим взглядом, поигрывая брелком в длинных пальцах.

Увидев так близко серые, злые глаза Стаса, я подскочила в постели и попятилась, дернув на себя одеяло.

– Не так быстро, сестренка! – сводный брат легко поймал мое запястье сильной рукой, не дав мне попросту скатиться на пол. – Куда собралась? – процедил сквозь зубы, сжимая рот в тонкую линию, притягивая ближе к себе, пообещал: – Теперь тебе от меня не спрятаться, задушив голову матери. Я не жалостливая мачеха, чтобы повестись на твои слезы.

Мы были в доме одни, мне было страшно, и я попросила отпустить меня.

– Размечталась! – темная, рваная челка еще влажных волос упала брату на лоб, и он медленно отвел ее назад, давая возможность рассмотреть его лицо.

Прошлым вечером я до полуночи читала историю вампира Луи, всем сердцем проникаясь темными событиями жизни молодого плантатора, и сейчас, в тишине дома моей мачехи, ее сын, нависший надо мной, показался мне едва ли не тем самым героем романа Энн Райс – привлекательным и беспощадным молодым человеком, сошедшим с книжных страниц.

Стас Фролов был красив и избалован. И хитер. Не зря его мать предупреждала меня. Самоуверенность и скрытая вседозволенность легко читались во взгляде сводного брата, в его цинично изогнутых губах, и он дал мне достаточно времени себя рассмотреть.

– Ну, хватит! Я тебе не картина Пикассо, чтобы на меня пялиться! А ты не в Лувре, чтобы глазами хлопать. Хватит прикидываться чертовой бедной овцой! Откуда ты вообще взялась, родственница?

Я не знала, что ответить, чего он хочет от меня, и потому послушно назвала свой город, дав брату неожиданный повод рассмеяться.

– Да ну?! Скелетина, серьезно?! А я надеялся: показалось. Смотрю на бату и ничего общего с тобой не вижу! Ничего! А ты приехала, проникла в чужую семью, в два счета обвела предков вокруг пальца мнимой болезнью... Каким будет следующий шаг, а, сиротка? Что, вотрешься к мачехе в доверие и вытуришь меня из собственного дома?

Это было неправдой, и я отчаянно замотала головой, сжав руки в кулаки, чтобы не плакаться.

– Нет.

– Да! – злые пальцы стянули ткань у горла. – Уже вытурила! В кровать залезла, шмотки напялила! Что, своим тряпьем страшно постель чужую испачкать? Так ты не чище, не надейся! И нехрен мне тут куксить милое личико, я тебе не моя мать! Слезу не выдавлю! Чтобы я тебя больше в своих вещах не видел! Поняла? Не хватало еще, чтобы носили... всякие...

Это было невероятно. Я ничего плохого этому парню не сделала и не могла понять такой реакции.

– Выстираешь начисто. А сейчас снимай! Снимай, я сказал!

Вряд ли в тот момент моему сводному брату действительно было интересно взглянуть на меня – на тощую, больную девчонку. Думаю, для него куда важнее ощущалась потребность вернуть контроль над своей жизнью. Над привычным ходом вещей, сопровождавшим его изо дня в день. Вернуть комнату, одежду, внимание матери... Все то, что по праву принадлежало ему, пока в этой жизни не появилась я – ненавистная сводная сестра, обманом прокравшаяся на его территорию. И которая, я вдруг ясно это почувствовала, если хочет на этой территории выжить, должна научиться себя защищать.

– Нет! – выкрикнула я и замотала головой, испугавшись собственного крика, прозвучавшего откровенно жалко. – Я расскажу Галине Юрьевне, – прошептала в сердитые глаза. И пообещала: – Я смогу. Смогу, понял!

– Ах так?!

Он встал и, не отпуская мое запястье, стянул за собой с постели. Протянув через комнату, толкнул в ванную комнату. Бросил следом платье, хлопнув дверью.

– Что ж, мямля, рассказывай! – сказал с презрением. – Пусти сопли, а я послушаю. Ничего другого от тебя и не ожидал. Но учти: за последствия не ручаюсь! И лучше бы тебе не знать, скелетина, на что я способен. Никогда. А сейчас у тебя есть две минуты, чтобы снять футболку и надеть свое старье, иначе я войду и сам вытряхну тебя из нее. И поторопись, я не намерен ждать!

Мои пальцы уже лежали на двери. Быстро провернув собачку замка, запершись от сводного брата, я отпрыгнула подальше и наклонилась, спешно подбирая с пола брошенные в меня колготки и платье. Чувствуя, как дрожат руки. Следующие его слова прозвучали излишне самоуверенно, но я едва ли заметила это, послушно стягивая с себя футболку.

– И не вздумай себе фантазировать, что мне хотелось на тебя посмотреть. Никому и даром не сдались твои кости! Слава богу, есть на кого пялится и без уродливых скелетин.

POV Стас¹

Она не была уродливой, я соврал. Да и скелетиной тоже. Она была очень худенькой, как тростинка, и непривычно кроткой. Молчаливой, недоверчивой, весь первый вечер в доме трясущейся от звука собственного имени словно заяц.

Когда батя признался матери, что у него есть дочь, я не поверил своим ушам. Когда виновато сказал, что вынужден какое-то время заботиться о ней, я был близок к тому, чтобы выкрикнуть: «Нет!» в лица обоих родителей и расцедь кулаки в кровь от разочарования. Когда мать изумила меня, дав свое согласие привезти ее в наш дом, – я разбил зеркало в своей комнате и возненавидел девчонку всем сердцем, уже зная, что никогда не приму ее. Чужую и незнакомую, неродную, взявшуюся как будто из пустоты. Из прошлого – ниоткуда, – чтобы разрушить своим присутствием все то, о чем я так долго мечтал.

Почему теперь? Сегодня, сейчас – почему?! Когда у меня, наконец, появилась семья? Не обрубок, а настоящая семья, как у всех? Когда появился свой дом, свой мир и человек, который вернул в этот дом мать? С появлением которого из моей жизни исчезли чужие люди и я почувствовал себя вправе смело смотреть в глаза своим друзьям. Когда почти поверил, что забыл, кто я и кем родился. Почему?

Мать-одиночка. Сирота с ребенком. Сама безотцовщина, с таким же безотцовщиной на руках. Ни тетки, ни сестры, ни брата. Продавщица пирожков, твердо решившая стать на ноги, даже вопреки женскому счастью. В детстве я постоянно слышал, как няньки, чаще всего нанятые матерью женщины с рынка, жалели меня. Потакали в капризах, называя внебрачным ребенком. Обделенным мужским вниманием мальчишкой, которому непременно придется несладко в жизни. И которому в будущем, возможно, никогда самому не построить полноценной семьи. Потому что без отца и пример подать некому.

Еще долгое время я не мог понять почему, пока не повзрослел настолько, чтобы самостоятельно задать матери вопрос и получить на него честный ответ.

Нет отца. И, считай, не было. Потому что не хотел. И не любил. Точка.

В этом была вся мать, она никогда не умела юлить. И даже когда я видел вокруг счастливые лица друзей и их родителей, слышал новые рассказы: «А вот мы с папой...», она всегда отвечала: «Не завидуй, Стаська, зато у тебя есть я. Все у тебя будет, сын, еще лучше, чем у твоих друзей, не сомневайся!»

Но я сомневался, пока у матери в ухажерах не появился Матвеев. Тихий, неприметный бухгалтер средней руки, а по совместительству водитель, и совсем скоро – муж. Не транжира, не алкаш, не жмот. Обычный мужик, без семьи и темного прошлого за плечами.

Не понимаю, почему другие подростки ненавидят своих отчимов? Матвеев никогда не вставал между мной и матерью и всегда был приветлив со мной. Я принял его сразу, как только он впервые протянул руку и ответил согласием на предложение вместе сходить на футбол, а через несколько дней пришел на родительское собрание в школу вместо вечно занятого директора и даже говорил с другими отцами. Он никогда не отказывал мне в просьбах, в мужской поддержке, которой так долго недоставало, и я все ревнивее использовал его время.

Да, не отец, но и не чужой человек. Для Стаса Фролова – Батя, и, кажется, он был не против. Нет, определенно, мой отчим меня устраивал. Устраивал, пока внезапно в его жизни, в нашей жизни, не появилась она – дочь от первого брака по имени Настя.

Она не была похожа на своего отца, ни капли. Разве что тихим нравом. Недодевушка, щуплая, нежеланная девчонка, в смешном пальто и старомодной вязаной шапке. Я не хотел ее видеть, но мать заставила меня спуститься. И даже снять с незнакомки дрянное пальто –

¹ POV (Point of view) – точка зрения, повествование от первого лица одного из героев.

приказы госпоже директору всегда удавались на славу – и шапку. Я сам сорвал ее с головы девчонки, надеясь увидеть под ней такие же тонкие и блеклые, как она сама, мышинные волосы, но они рассыпались по плечам красивой шелковой волной. А потом я увидел ее глаза – глубокие, чистые, синие, с темной опушкой длинных ресниц, как у сказочного эльфа, и понял, что проиграю. Если забуду, кто она – проиграю сражение за свою семью прямо сейчас. Потому что этим глазам под силу разрушить любую стену ненависти и прокрасться в душу.

Хитрая, маленькая воровка.

Она не заставила себя ждать и тем же вечером заняла мою комнату. Надолго расположилась в чужой спальне, в два счета обыграв на всех дешевый прием со слезами и мнимой болезнью. И мало ли что сказал врач, я не собирался ей верить. И не собирался прощать.

Я не мог дожидаться, когда останусь в доме один на один с бедной родственницей, и пообещал матери быть настоящим паинькой. И, конечно же, все рассказать и показать дорогой и больной сводной сестричке. Такой милой и скромной. Как же!

Я вошел в свою комнату, не таясь, едва за машиной родителей закрылись ворота, но она меня не услышала. Не вздрогнула, когда сел на постель, и не укрылась с головой под одеялом, продолжая спать. Ее сон не показался мне притворством, и я просидел в ногах кровати четверть часа, рассматривая спящую девчонку, не прикрытую сейчас защитной маской растерянности и испуга, уже не понимая, чего хочу. Чего так долго ждал?

Но я ведь ненавидел ее, ненавидел всем сердцем, правда? Все эти дни? Девчонку, что, как ластик, затерла меня собой в глазах матери, а сейчас спала в моей постели безмятежным сном, разметав на подушке темно-русые волосы и приоткрыв нежные, по-детски припухшие губы.

На ней была моя футболка с логотипом известной баскетбольной команды – старая, но любимая. Я сразу ее узнал, но сердце почему-то забилось быстрее не от новой обиды, разгорячившей кровь, а от вида небольшой девичьей груди, чуть натянувшей на вздохе тонкую ткань...

Чертova соплячка! Ловкая, изворотливая проныра! Догадавшаяся, как меня уесть! Сначала Батя, потом мать, комната, а теперь вот мои личные вещи. Каким же будет твой следующий шаг, а? Мое сердце?

Мне вдруг захотелось ударить ее, чтобы заткнуть внутренний голос, но она сама открыла глаза.

POV Настя

Я выстирала футболку, как он сказал, и надела платье. За дверью было тихо, и мне показалось, что Стас ушел. Моя сумка-рюкзак все еще стояла у стены, и я подумала, что, если он сейчас прогонит меня из дому, я не смогу найти в этом большом городе больницу, где лежит бабушка. А новый номер телефона отца и вовсе не успела узнать.

– Выходи! Хватит сопеть в дверь, испытывая мое терпение! Время вышло!

Не ушел. Отворив дверь, я сделала робкий шаг вперед и уперлась носом в грудь сводного брата, оказавшегося на моем пути. Мы тут же оба шарахнулись в стороны и замерли, глядя друг на друга, пока его руки медленно не сжались в кулаки, а глаза засверкали холодом.

– Никогда, скелетина... Никогда не смей прикасаться ко мне, поняла? Иначе я ударю тебя.

Он сказал это тихо, почти шепотом, но я поверила. Прижалась спиной к стене и опустила взгляд, не зная, чего ждать от него дальше. Желая в этот миг, как никогда прежде, оказаться вдвоем с бабушкой в нашем с ней тихом доме. Навсегда исчезнуть вспышкой из этой комнаты, где было так неуютно стоять под злым взглядом сводного брата.

Он развернулся и пошел к двери. Бросил на пороге через плечо: «Спускайся. Жду внизу», исчезая на лестнице. Его кровать осталась не заправленной, одеяло лежало на полу... Прежде чем навсегда покинуть теплую, но чужую спальню, мне захотелось убрать его из-под ног и застелить постель, чтобы не расстроить Галину Юрьевну. Об отце я почему-то не подумала.

В комнате сына хозяйки дома не было ничего моего. Оглянувшись, я взяла рюкзак, кардиган и спустилась по лестнице. Оказавшись в широком холле-гостиной первого этажа, остановилась, не зная, где искать свое пальто и сапожки.

– Ну и? Чего встала? – услышала я недоброе за спиной. – Прикажете, мисс Эльф, отнести вас в кухню на руках?

Стас стоял, привалившись плечом к дверному косяку, привычно сунув руки в карманы брюк, и смотрел на меня выжидающим взглядом. Уже тогда он казался мне взрослым, куда старше и физически сильнее моих одноклассников, и мне совершенно точно не хотелось сердить его еще больше.

– Что? Домой собралась? – спросил он с кривой усмешкой, заметив сумку в моих руках. – Молодец, сестренка. Живо сообразила, что тебе здесь не рады. Может, денег подкинуть на автобус, м? А хочешь, лыжи одолжу – новые?! По первому снегу и утопаешь в свой Дальний Бур. К Новому году как раз дойдешь.

Наверно, со стороны я действительно выглядела смешно – растерянная, смущенная, со встрепанными после сна волосами, но в душе определенно испытывала совсем иные чувства.

– Я не знаю, где мои пальто и шапка. И сапоги.

– В шкафу в прихожей. Хотел твоё тряпье в кладовку вынести, так мать не позволила. Помочь?

– Нет, – я все-таки посмотрела ему в глаза, подняв подбородок. – Я сама.

Я не знала, куда идти, не знала, что со мной будет дальше, но под взглядом сводного брата тихо оделась, взяла рюкзак и направилась к двери. Он не задержал меня, продолжая стоять на пороге дома, когда я подошла к воротам и остановилась, не имея понятия, как их открыть. Краснея затылком, чувствуя, как смеются серые глаза, подергала массивную ручку в надежде, что она поддастся. Не поддалась.

– Что? Уже приехала, сводная? Снова? Слушай, ну и навязчивая же ты.

Стас ушел в глубь дома, но дверь не закрыл. Постояв еще немного у высоких ворот, я вынужденно побрела назад. В холле было тихо и пусто, и войти я побоялась. На улице мороз прихватил лужи льдом, по-прежнему пролетал первый снег... Я закрыла входную дверь, чтобы

не напустить в дом холод, отвернулась и села на скамейку у крыльца. Со вздохом запрятала подбородок в воротник, собираясь, скорее всего, дожидаться отца. Что мне еще оставалось делать?

Сводный брат сам затащил меня в дом, поймав за шарф как щенка, и развернул к себе лицом.

– Издеваешься или просто злишь?

– Нет! – честно ответила я, чувствуя, как шапка сползает на глаза, но поправить ее не посмела. – Не могу открыть ворота.

– Знаю, они на электронном замке.

– И мне некуда идти. Я никого здесь не знаю.

Если я ожидала услышать сочувствие в его словах, то напрасно.

– А тебе и не нужно знать, сестренка, все равно мать вернет. Тебе вообще ничего не нужно делать, чтобы заставить всех плясать под свою дудку. Только виновато хлопать глазками и время от времени реветь в три ручья. Ты ведь знаешь это, да? Именно так ты поступила с моей матерью?! Ну давай, принцесса нищих эльфов, поиграем в правду, пока здесь никого нет. Будем откровенны друг с другом, что ты на самом деле задумала, явившись сюда? Вернуть себе Батю? Так ты не баба, с дочерьми такой фокус не проходит!

Он снова сдернул с меня шапку и смотрел в глаза, а я молчала. Что я могла ему сказать? Он ненавидел меня и считал хитрой интриганкой, обманом прокрававшейся в их дом, любое мое оправдание прозвучало бы откровенно жалко.

– Ладно, скелетина, – Стас вдруг отступил, брезгливо отдернув руки, – еще поговорим. А сейчас убрала здесь все, занесла сумку и топай завтракать на кухню. И учти: два раза не повторяю. Много чести для такой, как ты. Скоро мать звонить будет.

Галина Юрьевна позвонила. К этому моменту я уже топталась на пороге ее столовой, не зная, куда себя деть, и послушно ответила мачехе, что у меня все хорошо. Что Стас, конечно же, обо мне заботится, как ей и обещал. И нет, не грубит, что вы, ничего такого.

– Молодец, мямля, – сводный брат забрал трубку из моих рук, стараясь не коснуться пальцев. – Продолжай в том же духе, не хочу мать и батю расстраивать. Вечером скажешь мачехе, что хорошо подумала, мы договорились, и съедешь в другую комнату. Желательно подальше и навсегда. А я, так и быть, пока вы с бабкой не исчезнете из нашей жизни, сделаю вид, что тебя здесь нет.

Он сделал вид, что меня здесь нет, сразу же, как только я прикоснулась вилкой к порции каши и несмело взяла в руку бутерброд. И лишь когда встала из-за стола и убрала за собой, вымыв тарелку, бросил в спину:

– И запомни, скелетина, это был первый и последний раз, когда я для тебя готовил. Скажешь спасибо директору, что взяла с сына слово. Не то и близко бы не подошел... – я обернулась, и мы снова встретились взглядами, – к такой, как ты.

Он не ожидал, но я все-таки сказала:

– Я знаю.

После чего ушла в его спальню, чтобы закрыться там и просидеть за книгой до вечера. Желая всем сердцем, но так и не позвонив бабушке. А вечером...

Я пыталась, честно пыталась сказать Галине Юрьевне, что смогу спать где-нибудь еще. Что мне будет удобно даже на раскладном кресле, если в их доме такое есть, но она не прислушалась. А часом позднее я услышала из-за стены соседней спальни:

– Значит, снова завел старую песню, Стаська? Не утомонишься никак? Не было у тебя сестры, один ты у меня рос, теперь вот появилась. Не заставляй думать, что я воспитала свинной биток. Ты мужик и должен понимать без слов, что Настя у нас в гостях. Еще и после болезни не оправилась как следует. Да и девчонка она, в отличие от тебя. Ей свой угол больше нужен. Уж поверь, я-то знаю.

– Но, мам...

– Я сказала – останешься здесь, и точка! Не ожидала от тебя, сын...

Прошла неделя. Бабушке не становилось лучше, а вот я окончательно выздоровела и даже несколько раз съездила с отцом в больницу ее проведать. В остальное время я почти не выходила из комнаты, по-прежнему коротая дни и вечера за книгами, записывая в тоненькую тетрадь сложившиеся в рифму строчки и набрасывая простым карандашом короткие зарисовки. Изредка гуляла во дворе, стараясь не попадаться на глаза сводному брату. Теперь он полностью игнорировал меня, не разговаривая со мной во время завтрака или ужина и никогда не глядя в мою сторону, и я немного успокоилась, лишь однажды бросив ему: «Извини, я не хотела, чтобы так получилось». Но, кажется, он все равно меня не услышал.

На заднем дворе стояли широкие качели. Галина Юрьевна разрешила качаться на них, и иногда я садилась на деревянную резную скамью, смотрела на заснеженные верхушки елей и туй, на нетронутую следами ног полянку, и мне нравилось думать, что я нахожусь в волшебном зимнем лесу. В котором где-то совсем рядом бродит маленькая падчерица из сказки «Двенадцать месяцев» или едет с друзьями с охоты гордый и улыбчивый принц, как в сказке «Три орешка для Золушки». В такие минуты я думала, что Галина Юрьевна совсем не похожа на сказочную мачеху, пусть она и строга со всеми, а ее сын ничуть не похож на принца. Разве что такой же красивый зазнайка.

Я даже улыбалась и подбрасывала снег, сгребая его с земли ладошками, кружилась и хихикала, как самая обыкновенная девчонка, а после вспоминала о бабушке, о хмуром сводном брате, о молчаливом отце и снова тихо возвращалась в дом. А потом...

А потом бабушке прописали новое лечение, и Галина Юрьевна приняла решение отправить меня в школу.

– Не волнуйся, Настя. Я понимаю, что десятый класс – не первый, что в новый коллектив подростку влиться непросто, а уж тем более показать себя в учебе, но ты девочка умная, спокойная, я верю, что у тебя все получится. Школа достаточно привилегированная, успешная. В свое время я тщательнейшим образом отследила статистику поступления выпускников в престижные вузы, изучила рекомендации, так что не переживай, на время твоего пребывания здесь она обеспечит тебе максимально достойное образование.

– Спасибо.

– С преподавателями мы с Гришей поговорили, если будет нужно, по некоторым предметам сможешь получить консультации после уроков. К сожалению, завтра я тебя проводить не смогу, у меня в семь утра разнарядка, а сразу после этого – совещание, так что в школу тебя проводит и все покажет Стас. Домой тоже он отвезет, я с ним договорила. Все поняла?

– Да.

– Вот и хорошо. А сейчас беги одеваться. У меня есть два часа свободного времени, пока не отключусь на сон. Давай-ка съездим в магазин, купим все необходимое для учебы. Да и вообще, поизносились у тебя вещи. Гриша, ну что смотришь? Поехали...

Мачеха купила мне красивую школьную форму. В магазине не торговалась, и когда ей предложили выбор, взяла лучшую. И пуховик, и сапожки, и даже шапку. Зеркало в платяном шкафу брата было разбито, и я уже целый час крутилась возле большого окна, за которым стоял поздний вечер, по очереди примеряя обновки и всматриваясь в свое отражение. Радуюсь и не веря своему счастью. Думая, как завтра обрадую новостью бабушку. Я бы так и не заметила его, если бы не огонек сигареты, вспыхнувший за стеклом. Там, где между деревьев стоял и смотрел на меня холодным взглядом мой сводный брат Стас.

А наутро за завтраком мачеха попрощалась, оставив нас с ним вдвоем:

– Все, мы с отцом уехали. Вам, дети, – хорошего дня. Отвезешь Настю в школу, покажешь дорогу. И смотри мне, Стаська, только попробуй начудить. Ты знаешь, у меня разговор короткий. Накажу.

– Да знаю я...

Мать держалась с сыном строго, но любила его. Я ловила это чувство в ее глазах – ту самую, присущую только матерям, теплую любовь и заботу. Гордость при взгляде на сына и душевное удовлетворение, что получается. Получается растить человека таким, каким мог бы стать сам, если бы не трудности вчерашнего дня. Она много работала, но всегда находила минутку, чтобы притянуть Стаса к себе и коснуться поцелуем его щеки. Коротким, ласковым жестом крепкой руки взлохматить темную макушку и улыбнуться особой улыбкой. Я видела это и не могла понять причину его злости, обращенной на меня. Как бы хорошо мачеха ни относилась к падчерице, она не была мне матерью, неужели сводный брат не понимал этого?

Из Черехино в город ходил пригородный автобус, и к остановке мы со Стасом шли молча. Я так боялась расстроить его своим присутствием, видом новой одежды и приподнятым настроением, что шагала на шаг позади, стараясь не отставать. Приноравливалась к твердой мужской походке, прыгая через подмерзшие лужи, заглядываясь на красивые дома, догоняя вприпрыжку, что кажется, шла сама по себе. И все равно, когда пришел черед выходить из автобуса и Стас молча шагнул с подножки, он остановил меня, выпрыгнувшую следом, схватил за руку, чтобы сказать:

– Подождешь, пока я отойду на десять шагов, и только тогда иди. Второй этаж, двадцать седьмой кабинет. Классный руководитель – Эпифанцева Стелла Владимировна. Дальше сама разберешься. И попробуй кому-нибудь проговориться, что я твой сводный брат – приду ночью и задушу подушкой, поняла?... Кстати, как оно спать в чужой постели, а, скелетина? – он все же не удержался и сдвинул пальцы на моем запястье. – Удобно?... Ладно, не отвечай, недолго осталось. Вот подожди, уедут родители, я покажу тебе твою комнату.

Куда уедут родители – я не поняла, зато поняла, почему он так хотел, чтобы я не проговорила. Уже на крыльце стало ясно, кто здесь звезда школы и кому местные девчонки не дают прохода. И, кажется, моему сводному брату нравилось такое внимание. Я посмотрела на сузившиеся глаза Стаса, на кривую улыбку, скользнувшую на привлекательное лицо, и поняла: определенно нравится. И уж точно ему было на кого пялиться, здесь он не соврал.

Новая школа действительно оказалась новой. Высокой, светлой, просторной, с большой столовой, библиотекой и отличным спортзалом. Широким заснеженным стадионом, виднеющимся из окон класса, и отдельной спортивной площадкой с турниками и качелями.

Класс встретил меня с любопытством, и только. Здесь все ученики были разбиты на парочки, небольшие компании... Я с удивлением узнала в одной из одноклассниц светловолосую девочку, которую в первый день приезда в Черехино видела за ужином в доме мачехи. Она старательно избегала моего взгляда, ничем не выдавая нашего знакомства, и я догадалась, что вряд ли найду для себя доброго друга в ее лице.

– Ты что, ее знаешь? – спросила меня соседка по парте, когда устала ждать ответ на десятый по счету вопрос, и я ответила:

– Да. То есть нет. Не так чтобы очень.

– Ну, не удивительно. Мариночка у нас не дружит лишь бы с кем, так что зря стараешься.

– А с кем она дружит? – мне действительно было интересно.

– С людьми популярными и актуальными, все по стандарту первой примы класса. У тебя что, есть чем привлечь ее внимание?

– Да, в общем-то, нет, – я пожала плечом и улыбнулась в ответ на улыбку соседки.

– Тогда сочувствую. Можешь сразу забыть о вашем знакомстве.

Девчонка была пухленькая, высокая, но симпатичная. Черноглазая, с синей прядью волос на виске, с ямочками на щеках. Она мне очень понравилась. Мы столкнулись у дверей класса, когда я искала нужный кабинет, и она сразу же пригласила меня сесть к ней за парту.

Даша Кузнецова по прозвищу Белка. Почему Белка, я узнала, когда услышала от одноклассника в столовой:

– Белка, дай орешки! Хватит за щеками носить!

– Белка, дай! Ты же не хомяк какой-нибудь. Тебе что, жалко?

Белке жалко не было, и вместо орешка веселому пареньку прилетел подзатыльник.

– Господи, это не школа, а настоящие джунгли! Одни обезьяны вокруг и олени! Но ничего, держись, Настя, прорвемся!

– Олени? – мне снова было интересно, и я оглянулась на ухмыляющегося одноклассника, занявшего место за соседним с нами столиком. Кажется, паренек на Дашку совсем не обиделся.

– Именно! – важно кивнула Кузнецова. – Я для себя давно придумала классификацию парней: приматы, олени, заучки и павлины. Так что не удивляйся, если буду идентифицировать их по внешнему признаку. Вот Петька Збруев, например, типичный примат, мокроносый и человекоподобный. По шее получил? Получил! Но, смотри, продолжает скалиться, как тупой бабуин! – кулак Дашки закачался в воздухе. – Еще раз, Збруев, вякнешь про орехи, и огребешь по полной, понял?

Бабуин тут же надул щеки и сделал вид, что разгрызает орех. Я с удивлением отвела от него взгляд.

– А мне кажется, Даш, он нормальный парень. Может быть, ты ему нравишься?

Глаза новой знакомой со значением округлились.

– Это только кажется, поверь! Как может нормальному примату нравится тот, кто его лупит с пятого класса?!

Это прозвучало смешно, и мы негромко рассмеялись. Школа была большой, уютной, в многолюдной столовой вовсю кипела жизнь, и я не сразу обратила внимание на тройку старшеклассников, возникших на пороге. Глазастая Дашка тут же ткнула меня локтем в бок.

– Смотри, Настя! А вот и олени с одиннадцатого нарисовались! Тип «Популярный парнокопытный»! – девушка взяла свои слова в кавычки, обозначив пальцами знак в воздухе. – Жаль, безрогие, но в нашей жизни все относительно. Как по мне, так эти экземпляры еще хуже приматов. С теми хоть на пальцах объяснить можно, в случае необходимости. А эти от своих ближайших сородичей вообще мало чем отличаются. Также любят выяснять лоб в лоб, кто сильнее, и побегать у павлина в упряжке.

Я обернулась, с любопытством разглядывая взрослых парней, которые действительно держались нарочито самоуверенно. Они с шумом и смехом вошли в столовую и заняли центральный столик у стены, перебрасывая из рук в руки какой-то предмет. Увидев среди них знакомое лицо, я спросила о парне у подруги.

– А это Серега Воропаев, старший брат нашей Маринки. Такой же сноб, как его сестричка. Правда, не настолько переборчивый, но он ведь не девчонка. В прошлом месяце одновременно встречался со своей одноклассницей Надькой Ковалевой и с Динкой Губенко из нашего класса. Так эти две дурочки, когда правду друг о друге узнали, настоящую драку из-за него устроили, еще и возле учительской. Хорошо, мы с Петькой успели разнять, не то бы их точно исключили из школы! Збруев мне потом по секрету сказал, что этот гад Воропаев, оказывается, специально цирк устроил, чтобы сразу с обеими порвать. Говорю же: олень!

Парень был светловолосый, высокий и симпатичный, на гада совсем не похож. И если его сестра, увидев меня, сделала вид, что мы незнакомы, то брат, напротив, заметив знакомое лицо, удивленно поднял брови и приветливо махнул мне рукой.

– Эй, Матвеева, – услышала я возле уха грозный голос Дашки. – Не вздумай в него влюбиться! Здесь и без тебя желающих хватает! Такую мелочь, как ты, размажут по стене и не

заметят! Уж лучше заучка Борька Брагин. Скучный, зато надежный. Слышишь, что говорю? Кстати, он с тебя уже третий урок глаз не спускает, я все вижу.

Влюбиться в мои планы точно не входило, особенно в популярного парня. Я еще ничего не знала о любви, о кознях и мужском вероломстве – разве что из книг – и все, что сейчас хотела, это избежать ненужного разговора, помня о предупреждении Стаса.

И почему я понадеялась, что этот Сергей Воропаев поведет себя так же, как его сестра? Зачем вообще смотрела в его сторону? Но нет. Он отодвинул пустой стул, стоявший рядом, и, кажется, собирался встать, чтобы направиться ко мне...

– Настя, стой! Ты куда? А как же чай? – поймала меня за руку Кузнецова, но поздно – я уже вскочила на ноги и сдернула следом сумку.

– Извини, Даш. Вспомнила, что не позвонила папе. Встретимся у кабинета...

– У какого? – озадаченно прозвучало уже за спиной. – Ты же здесь ничего не знаешь!

Не знаю, это верно, но если хочу узнать, надо бежать. Пусть лучше оба считают меня странной чудачкой.

Я даже успела поставить поднос с тарелкой на специальную полку возле мойки и вернуться в проход между столиками. Мне просто нужно было пробежать мимо парней, продолжающих шумно смеяться и перебрасывать между собой непонятный предмет. Просто сделать вид, что не вижу удивленно шагнувшего ко мне старшеклассника и его взлетевшей навстречу руки...

– Эй ты, стой!

Я не во все моменты жизни была рассеянна, и мне бы точно удалось убежать, если бы не вещь, угодившая под ноги. Случайно или намеренно оброненная на пол кем-то из парней. Споткнувшись об нее, я выпростала руки и упала, приземлившись на дрожащие коленки. Чувствуя, как от стыда вспыхивают румянцем щеки, а на ладонях горит стертая о шершавый кафель кожа.

Вещью, виновной в моем падении, оказался девичий бюстгальтер – слишком красивый и дорогой для школьницы. Хотя тогда я мало в этом понимала. Во всяком случае, у меня такого точно не было. Я стояла на коленях и рассматривала его – черный, с пышными подушечками, кружевной, потому что глаз поднять не могла, зная, кто возвышается надо мной. В кого именно я едва не угодила.

Да, вся столовая замерла в ожидании, пока я стояла на коленках перед сводным братом, желая провалиться сквозь землю, а он не собирался помочь мне подняться. Впрочем, его друг-блондин – тоже.

Моя сумка лежала на модном ботинке сына моей мачехи, и я тихонько потянула ее на себя.

– Как живописно, прямо картина маслом. Бедная Настенька и законный трофей ее...

– Пасть закрой, Серый, – оборвал друга Стас. – Желательно всерьез и надолго. Я не шучу.

– Ясно, – не обиделся парень. – Тогда хоть лифчик Ленке верни, Фрол, раз уж здесь не хочешь ничего объяснить. Ты выиграл.

Меня подняла Дашка, ну конечно. А еще помог Петька Збруев. Недаром он сразу оказался славным парнем. Я почти выбежала из столовой, но слезы сдержала. Как хорошо, что не расплакалась на глазах у всех. На глазах у светловолосой Маринки и ее подруг, со смехом проводивших меня взглядами.

– Вот же павлин! Раскорячился на проходе, не обойти! Терпеть не могу этого Фролова! Да и его дружки-олени ничем не лучше! Ну и угораздило же тебя упасть, Настя!

Мы стояли с подругой в неприметной нише в конце общего коридора, возле стенда с рисунком аварийного выхода, и я все не могла оторвать руки от лица. Где-то за углом топтался Збруев с нашими сумками, и Кузнецова грозно приказала мальчишке топать отсюда прямо в класс.

– Давай-давай, Збруев! Сумки в руки и прямым курсом на английский! Нечего тебе тут девчачьи разговоры подслушивать! Ты как, Матвеева, в порядке? Не ушиблась? Может, отвести тебя в медпункт?

Я покачала головой, чувствуя теплую руку на своем плече.

– Не надо, Даш. Со мной правда все хорошо. Но, боже мой, как стыдно! Первый день в новой в школе, и надо же было так упасть!

– Брось, Настя, – возмутилась девушка. – Нашла из-за чего переживать. Подумаешь! С любым человеком такое могло случиться! Я вообще считаю, что это не тебе должно быть стыдно, а им! Тем, кто смеялся! Другое плохо.

– Что? – ну вот, я все-таки отняла руки от щек и со страхом взглянула на девчонку, задумчиво теребящую синюю прядь волос у виска. Грустно поджавшую губы.

– То, что ты упала под ноги именно Фролову, местному павлину. Если запомнит в лицо, может и покуражиться, он у нас еще тот лось недоделанный. Типа местная популярная личность. Нет, я, конечно, не спорю, он мальчик симпатичный и цену себе знает. Сама по нему два года сохла, пока не повзрослела. Только он в школе ни с кем не встречается, а на девчонок предпочитает исключительно спорить со своим стадом. Вот как сегодня с Ленкой Полозовой получилось, из 11-го «Б». Хотя я до последнего надеялась, что это только слухи. Жаль.

– Почему?

– Потому что кто-то же должен когда-нибудь зацепить Фролова по-настоящему. Чтобы именно ему было больно, а не другим. Вот как с Ленкой, только наоборот. Хотя Полозову мне ни капельки не жалко, заслужила. Знала, с кем в туалете зажималась и чего ожидать. Она среди одиннадцатых классов такая же прима, как у нас Маринка Воропаева. Тоже корону носит, и цены себе сложить не может в базарный день. В прошлом году ее на зимнем балу выбрали королевой вечера, так все девчонки вокруг оказались вдруг толстыми уродинами, а здороваться Их Величество разучилось совсем.

Дашка нахмурила брови и строго качнула головой.

– Так что будь осторожна, Настя. Если Фролов вдруг станет подкатывать – лучше притворишься мертвой! И нафиг этот красавчик тебе не сдался! Им с оленями только развлечения подавай. Их школьная скука заела, а ты здесь новенькая. Затеют спор или еще что похуже, потом от них хоть в другую школу беги.

Я вздохнула и поправила рукой волосы. Слезы окончательно отступили, и мне захотелось успокоить свою новую подругу, на мое счастье оказавшуюся такой отзывчивой девчонкой и первым настоящим другом в этом большом городе.

– Не переживай, Даш, не затеет. Я ему ни капельки не нравлюсь.

Конечно, это признание прозвучало поспешно, и я попыталась замять его неловким:

– К-кажется. Я так чувствую.

Но Дашка только важно отмахнулась.

– Я тоже чувствую, уж поверь, и эту школу знаю как свои пять пальцев. Не просто так Фролов на тебя таранился, как будто забыл, куда шел. Я даже думала, он этого Воропаева ударит, когда увидел рядом. Конечно, может быть, это все из-за Ленки Полозовой у них началось, вроде бы Воропаев тоже к ней подкатывал, но ты, Настя, на всякий случай, держись от этой парочки подальше.

Это было едва ли не самое большое мое желание, и я согласно кивнула.

– Я только с радостью.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Кузнецова. – Не переживай, со мной не пропадешь! Я еще и не такое наперед просчитать могу! Вот попробуй догадайся, кем работает моя мама?

Это было практически невыполнимо, и Дашка весело хихикнула, втаскивая меня за локоть в коридор, твердо шагая навстречу расступающимся при виде нас школьникам.

– Моя мама известный психолог и работает в женской тюрьме. Поверь, Насть, иногда такую клиническую картину рисует за ужином, что хоть уши затыкай и беги! Особенно сильно нам с папой хочется слинять, когда она просит дать сторонний анализ на интересующую ее ситуацию. Вот уж где настоящая жесть! Хоть в мешке топись! Пока ответ не услышит, не отстанет!

– А зачем? Зачем ей ваш ответ? – Дашка была интересным, живым человеком, и мне нравилось ее слушать.

– Затем, что она у нас вот уже третий год докторскую работу по психологии пишет. Хочет защитить ученую степень. Она у меня знаешь какая умная? Любого человека наизнанку вывернет, перелицует, грязь вычистит и пустит в мир новой личностью. Так что наш ответ ей крайне важен! Для работы со студентами и вообще, чтобы учебники писать! Во всяком случае, нам с папой она говорит именно так!

Было ли это весело – не знаю, но мы рассмеялись. А к тому времени, когда оказались с Дашей у дверей нужного класса, я почти забыла о случившемся в столовой.

– Ладно, пошли на урок, Матвеева. И не вешай нос! Не хватало еще кукситься на радость Воропаевой и ее подружкам! Наверняка ждут, что ты войдешь в класс побитой дворняжкой. Фиг им! Не только королевы умеют задирать подбородок! А вот нашу Грымзу Ивановну – училку по английскому – злить не будем. Сидим тихо, смотрим в рот и, где надо, старательно списываем латиницу у Борьки Брагина. Поняла?

Дальше уроки прошли спокойно. Не знаю, чем я так не понравилась симпатичной блондинке Маринке Воропаевой, дочери подруги моей мачехи, но, кажется, она действительно расстроилась, увидев меня без слез. Сидела вялая, недовольная и отворачивалась всякий раз, когда ловила на себе мой взгляд. Дашка же оказалась из тех независимых людей, кто не поддавался влиянию толпы, а потому держалась в классе уверенной самостоятельной единицей. Мы быстро с ней сдружились и к концу учебного дня весело щебетали за нашей партией о своем, о девичьем, переглядываясь с Петькой Збруевым, и я даже рассказала ей о бабушке и об отце. О том, что живу в его новой семье с мачехой. О сводном брате я снова умолчала.

Но уроки закончились и, распрощавшись с новыми знакомыми, я осталась одна. Отвезти меня домой и показать дорогу должен был Стас, и в ожидании его я вот уже второй час стояла на остановке.

POV Стас

– Стас, скажи, а я точно тебе нравлюсь?
– Конечно, детка.
– По-настоящему? А то вы, парни, такие непостоянные. Еще недавно я думала, что ты с Каткой тусишь...
– Полозова, ты сюда со мной говорить пришла?
– Н-нет.
– Вот и молчи. Продолжай делать, что делала, и определенно будешь нравиться мне еще больше.

Ленка раздражала. Школа раздражала. Весь мир раздражал самым фактом своего существования и наличием непроходимых гребаных тупиков, потому что в этом мире была она. Моя ненавистная сводная сестра. С момента появления в нем занявшая не только мою территорию, но и мои мысли.

«...Стас, мы с Гришей хотим свозить Настю в магазин. Купить ей к учебе все необходимое. Надеюсь, ты в этом отношении достаточно вырос?»

– Давно пора.
– Школа у тебя непростая, не хочу, чтобы девочку третировали одноклассники. Нина Ивановна говорит, что внучке ничего не нужно, но я так не думаю.

Я не могу сдержатъ злой смешок и отпускаю его в сторону матери, раскурившей сигарету у форточки. Почти весело.

– Да ну? Если то старье, в котором ходит ее внучка, можно назвать одеждой, то бабку не только инфаркт разбил, но и маразм.

Это слишком, пусть и звучит правдиво, и мать недовольно хмурит брови, глядит с укором. В раздражении сбивает в пепельницу сигаретный пепел.

– Я тебя не о диагнозе спрашиваю, умник! – замечает резко. – Скажи спасибо, что Батя не слышит, как ты у нас тут здраво рассуждаешь насчет Настиной бабушки! Я спрашиваю, что девочке купить, чтобы ее приняла школа и новые друзья? Тебе не может быть все равно, сын, она – твоя сестра и будет учиться с тобой бок о бок. Все остальные замечания оставь при себе.

Ну да, переборщил слегка, согласен. Сестра? Ха! Вот уж нет!

– А что купить? – мне даже не нужно притворяться. Это и так ясно. Я встаю и с шумом отодвигаю стул. В последний момент сдерживаюсь, чтобы не расколотить его, нахрен, о кафедру. – А все! Ты, главное, не торгуйся, директор, если претендуешь на звание лучшей мачехи года. Иначе Эльф тебе жлобство припомнит в старости...»

Мать и не торговалась. Плевать она на меня хотела! Широта души всегда заметно отличала ее от других людей. Впрочем, как и прагматичность и жесткий характер. Еще никому и никогда не удалось сесть ей на шею, и я не сомневался, что сводной сестре такой кульбит тоже окажется не под силу. Мне просто стоило потерпеть, пока мать наиграется с ролью крестной феи для своей тихони-падчерицы и все вернется на свои привычные места. Стоило, но терпенья ни к черту не было. Особенно когда я видел, какой осторожной радостью загорались синие, распахнутые глаза Эльфа, если мать к ней обращалась. И с какой печалью отворачивался от обеих своих женщин отец. Как будто чувствовал то же, что и я.

Но мне было хуже, в тысячу раз хуже, и с этим надо было жить.

Я знал, что моя сводная сестра такая же глупая девчонка, как все, и этим вечером будет торчать у окна. Не зря разбил чертово зеркало. Она и торчала. Примеряла обновки, кружилась у своего отражения в стекле, наивно радуясь новым шмоткам. Раздражая меня этой негромкой радостью и заставляя смотреть на себя. Заставляя думать о ней так, как я того не хотел.

Я смотрел и смотрел на нее, выкуривая одну сигарету за другой, надеясь испепелить взглядом, а видел только улыбку и тонкую девичью фигурку. Красивые волосы до плеч – мягкие, чуть волнистые – и сами плечи, такие же юные и нежные, как сама девчонка. Дочь отчима, без спроса вторгшаяся в мой мир, которую я ненавидел, ненавидел, ненавидел...

Я повторял это вновь и вновь следующим утром по дороге в школу, а она бежала за мной, легко перепрыгивая через подмерзшие лужи, стараясь не отстать от моего шага. С любопытством осматривалась по сторонам, робко поглядывая на меня из-под белой шапки с помпоном, что так шла к ее темно-русым волосам и синим глазам.

Правильно, не подходи ко мне. Лучше, мать твою, держись подальше!

К черту! Она и близко не была той девчонкой, что могла мне понравиться. Я уже глотнул взрослой жизни с девушками старших друзей и не мог ошибиться. Мне нужно было больше, гораздо больше тощей скелетины, торчащей в окне, и я собирался восполнить эту потребность совсем скоро, уже на пороге школы заметив ту, что поможет мне. Красивую, высокую старшеклассницу, при виде меня шагнувшую навстречу и расплывшуюся в улыбке. Девчонку, на которую только вчера поспорил с друзьями.

Ленка Полозова, гордячка, путавшаяся с парнями из университета? Почему бы и нет? Всегда интересно проверить, насколько правдивы слухи. Во всяком случае, у нее определенно точно все оказалось на своем месте. Я знал, что выгляжу старше, развлекаясь в компании взрослых друзей, и собирался воспользоваться этим преимуществом, подбираясь к девушке.

Мы легко помогли друг другу забыться и прогуляли урок. Выкинуть лифчик из окна туалета оказалось проще простого. Никаких обещаний. Никаких отношений. Только желание и только возможности. А слезы? Ну, что слезы? О них раньше надо было думать, когда не отказала и сама разрешила. Это взрослая жизнь, детка. Здесь мы, и только мы отвечаем за свои поступки. Конечно, увидимся, если захочешь, почему бы и нет? Можно и на вечеринке у меня дома. Вот только родители свалят, и продолжим начатое в моей комнате. Тебе понравится, обещаю.

И никакой сводной сестры. Никаких новых девичьих шмоток в шкафу. Не знать, не видеть, не думать. Не вспоминать. Я снова жил и дышал полной грудью, хозяйничал в собственном мире, твердо шагая навстречу завтрашнему дню. В котором я собирался жить так же, как прежде: в своем доме и со своей семьей. На полную катушку используя ресурсы собственного тела и родительского кошелька. И, может быть, Батя никогда даже не вспомнит о дочери. О тощей, синеглазой скелетине, что умела улыбаться как ангел. Надо просто стереть ее из своей жизни, только и всего.

Я остановился как вкопанный, когда она вдруг оказалась у моих ног. Посреди зала школьной столовой, где подобное падение всегда вызывало смех. Вот как сейчас у моих друзей, что ржали как кони, пока их не остановил мой взгляд. Точнее, у двоих из них.

Мне не нужно было видеть лицо девчонки, чтобы узнать эти волосы, рассыпавшиеся по плечам, и тонкие запястья, выглянувшие из-под манжет. Еще недавно я сам крепко держал в руке одно из них, слыша, как под пальцами часто бьется пульс и как заполошно стучит сердце Эльфа. Как будто она меня боялась. Я очень надеялся, что так оно и было.

Она склонила голову, пряча румянец, и в просвет темно-русых прядей проглянула нежная линия щеки и подбородка. Аккуратное ухо и фарфоровая шея, такая тонкая и хрупкая на вид, что я заставил себя поднять взгляд. Именно ее я представлял в своих руках, когда гладил Ленку. Черт!

– Как живописно, Фрол, прямо картина маслом. Бедная Настенька и законный трофей ее...

– Пасть закрой, Серый. Желательно всерьез и надолго. Я не шучу.

Мне хватило мгновения, чтобы увидеть сводную сестру глазами Воропаева и взбеситься. Оценить, с каким проворством он кинулся за девчонкой, и сжать рот в тонкую линию: он совер-

шенно точно собирался ей помочь. Я почувствовал, как вздулись желваки на моих скулах и сжались в кулаки ладони. Как напряглась спина. Мы с Серегой впервые стояли и смотрели друг на друга особым взглядом. Словно выжидали, вот только чего?

– Ясно. Тогда хоть лифчик Ленке верни, раз уж здесь не хочешь ничего объяснить. Ты выиграл.

Он не был дураком и сразу понял, что я не дам ему прикоснуться к ней, к своей сводной сестре. Думаю, это отчетливо читалось в моих глазах. Сам я не собирался ей помогать, но и не намерен был позволить своему лучшему другу сделать это. Только не сейчас, когда я рядом! Необъяснимая злость кипела во мне, клокотала в крови тихим бешенством, а я не мог понять ее причину. Не мог больше вынести косые взгляды одноклассников, обращенные на стройное бедро под вздернувшейся юбкой, близкое присутствие девчонки... и собственное бездействие.

Она мне никто. Никто. Никто!

Девчонку увел кто-то из ее новых знакомых, я едва это заметил, зато ощутил, как непонятное напряжение отпускает меня. Ее уже не было в школьной столовой, а в голове продолжала биться только одна мысль: «Что, нахер, со мной происходит?»

– Фрол, может быть, объяснишь, что происходит? Это ведь была твоя сводная сестра, или мне показалось?

Серега сказал это тихо, подступив ближе, но я уже отталкивал его в плечо, уходя прочь из столовой:

– Да пошел ты, Серый! Не твое дело!..

...Не Воропаева гребаное дело, почему я второй час торчал в спортзале, вместо того чтобы после тренировки идти домой. Давно закончился седьмой урок, а я все бил и бил боксерскую грушу, вымещая на ней злость, стараясь не вспоминать о данном матери обещании. Не вспоминать о Бате, о незнакомой больной старухе и ее ненавистной внучке, прокравшейся в мои мысли...

Не знать, не видеть, не думать? Не вспоминать? К черту! Я не хотел ее чувствовать, вот что оказалось главным. Со всем остальным можно было жить.

Она стояла на остановке. В белой шапке, светлой курточке и новых сапожках. Топталась, подпрыгивала на месте, выглядывая меня среди прохожих, от нетерпения поднимаясь на носочки, а заметив, смутилась. Или умело сыграла смущение, попятившись назад. Туда, где ей давно стоило укрыться от ветра под навесом.

Я остановился и закурил, встретив ее ожидание равнодушным взглядом. Закинув сумку на плечо, отвернулся к обочине дороги. Холодный ветер играл моими волосами, кусал щеки колючей моросью, заноса бордюры и тротуары белой крупянистой крошкой... После тренировки мышцы горели, и кровь в венах еще не успела остыть, разгорячив кожу, но я все равно отвернул вверх воротник куртки и опустил подбородок, не желая отдавать ветру это тепло. Испугавшись вдруг, что ему под силу выстудить из меня раздражение – неясное и острое, новое. Которое никуда не делось, а снова тлело внутри непогасшим костром в опасной близости от девчонки.

– П-привет. Я подумала, что-то случилось. Уроки закончились, а ты все не шел и не шел... И я не знала, что делать.

Я скорее догадался по движению ее губ, чем услышал голос, так тихо она говорила. Прошло десять минут, прежде чем у девчонки хватило смелости подойти, и сейчас она стояла возле моего плеча, с беспокойством заглядывая в лицо, еще больше раздражая своей близостью.

Хорошо, что было так легко ее оттолкнуть. Гораздо легче, чем заставить себя не смотреть на девчонку.

– Кажется, скелетина, я просил тебя не приближаться ко мне.

– Да. Но здесь ведь никого нет? И я волновалась.

– Без разницы. Никогда не говори со мной, слышишь? Никогда. И не подходи.

– Я просто хотела...

– Плевать, что ты хотела! Ты как была никем для меня, так никем и останешься. И мать мне здесь не указ! Я ей не поводирь, чтобы водить тебя за руку.

Подождал автобус, и я молча встал на подножку, отшвырнув сигарету в сторону. Заплатив за себя кондуктору, прошел к пустующей задней площадке, чтобы бросить сумку на свободное сиденье. Девчонка зашла следом в просторный салон и сейчас ковырялась в карманах новой куртки в поисках денег, которые ей дала мачеха. Ее щеки зарделись, а губы поджались, но мне было все равно. Я не стыдился своих слов. Это была ее обида и ее вина – оказаться дочерью отчима. Нежданной гостьей в нашем новом доме. В моей семье и моей жизни, в которой я не намеревался терпеть ту, что хотела забрать у меня ее часть.

Привалившись плечом к поручню, я отвернулся и уставился в окно, вспоминая нашу с Ленкой встречу. Тем самым желая стереть из памяти существование сводной сестры, если не навсегда, то хотя бы на время поездки.

Она не решилась подойти. В это предвечернее время автобус шел полупустой, и девчонка, оглянувшись по сторонам, села в середине, робко поглядывая на меня из-за плеча, словно боялась, что в какой-то момент я исчезну и оставлю ее одну.

Конечно, я их заметил. Молодых парней, которые весело толкались между собой на остановке и смеялись, бросая в сторону Эльфа косые взгляды. Я их раньше не видел, но что с того? Черехино привлекало многих, может, их ждали важные дела в пригороде. Неважно. Мне не было дела ни до одного из них, пока я вдруг не услышал:

– Привет, малышка. Куда из города путь держим?

– Такая симпатичная девушка и без охраны, непорядок.

Их было двое, немногим старше меня. Лет восемнадцати. И настроение у парней отлично накладывалось на интерес к молоденькой незнакомке. Только взглянув на них, я тут же почувствовал чужой азарт. Тот самый, что привел меня сегодня к Ленке и приведет еще ко многим после нее. И ничего хорошего для скелетины в этом не было.

Девчонка испуганно повернула голову, посмотрев на меня. В зимний день на улице уже достаточно стемнело, чтобы я легко мог увидеть ее беспокойство в отражении оконного стекла, тут же забыв о своем школьном приключении в туалете и глупом споре. Обо всем, что еще секунду назад так волновало мысли.

Парни спросили у сводной сестры, как ее зовут, вполне миролюбиво и весело, своим поведением не вызывая напряжения у редких пассажиров, но она все равно сползла с кресла и отступила в мою сторону. Сделала шаг, приближаясь ко мне, но вдруг остановилась, будто наткнувшись на невидимую стену, отвернулась и снова села у окна. Прижав сумку к груди, уставилась на мелькающие за окном деревья.

Наивная. Неужели она думает, что они так легко отстанут? Те, что уже увидели твои глаза? Для них ты слишком легкая добыча, с которой уже началась игра. Нет, все не закончится так просто ни для тебя, ни для меня.

Раздражение ощутимо зашевелилось в груди, разгораясь из тлеющих углей в жаркий костерок. Потекло по напряженным венам рук, сжимая пальцы в кулаки. Теперь ненависть к девчонке имела другое название. Какое, я не мог сказать определенно, и это «незнание» злило не меньше, чем интерес незнакомых парней к сводной сестре. Они снова оказались рядом с ней.

– Послушай, малышка, ну не хочешь говорить, как тебя зовут, не надо. Чего испугалась? Мы же не отморозки какие-нибудь. Мы нормальные ребята, просто переживаем, увидев одинокую девчонку, которая едет за город. Да еще и такую симпатичную, похожую на Снегурочку. Смотри, Снегурочка, на улице темнеет, может быть, тебя проводить? В лесу рыщут серые волки, это очень опасно.

– Спасибо, не надо, – осторожный взмах длинных ресниц из-под шапки и снова взгляд на мелькающий, сумеречный пейзаж пригорода за окном.

– Оп-па! Она все-таки умеет говорить! Леха, зацени, как мне подфартило!

– Ты ее еще с мамой познакомь, везунчик.

– А что, и познакомлю! Будет меня из армии ждать. Снегурочка, действительно, поехали с нами, а? Здесь недалеко. Погуляем, в кафе сходим...

– Мороженым угостим...

– Можно и мороженым. А потом я тебя в гости приглашу...

– Ага. С мамой знакомить!

Этот разговор становился навязчивым и пустым, я сам столько раз трепался подобным образом, и девчонка, снова обернувшись, коротко взглянула на меня. Вскинув глаза на парней, потупилась. Вздрогнула, когда один из них присел рядом с ней.

Ее взгляд не остался незамеченным, и в мою сторону тут же раздалось заинтересованное:

– Он твой парень, малышка?.. Что, поссорились, да?

Я давно оторвал руки от поручня и теперь стоял, прислонившись к нему плечом, глядя сквозь рваную челку на незнакомых парней. Неожиданно для самого себя вместе с ними ожидая ответа сводной сестры. Сам не понимая, чего хочу больше – чтобы она обернулась, признав, что мы знакомы, или прислушалась к моим словам: никогда не подходить.

Она не подошла. И не ответила. Просто отрицательно качнула головой и упрямо отвернулась к окну, с девчоночьей непосредственностью надеясь, что от нее отстанут. Глупый маленький Эльф.

– Нет, он не твой парень, Снегурочка, – размеренно ответил один из весельчаков, теряя ко мне интерес. – Для этого плохиша ты слишком хороша. Он и без тебя найдет себе кучу подружек по вкусу. Лучше маму слушайся и не гуляй с такими. Научит нехорошему, обманет, потом плакать будешь. Давай лучше с нами – мы надежные, не обидим.

Рука парня поднялась и погладила нежную щеку девчонки. Другой рукой он приобнял ее за плечи, не замечая, как она тут же напряглась и сжалась от чужого прикосновения...

– Ты красивая...

И это было все, что он успел сказать.

Мы все-таки подрались. Прямо в автобусе. Был я плохишом или нет, это не их гребаное дело! Как и то, с кем Эльфу гулять и кому доверять. С кем вообще говорить! На сегодня всего этого было слишком: разговора с матерью, поездки со сводной сестрой в школу, внимания Ленки. Сначала Воропаев со своей заботой, теперь вот эти весельчаки с оценкой моих внешних качеств. Кому какое, к черту, дело до моей ненависти?! До того, на что было право лишь у меня?! Я чувствовал, как шибает в руках злость, придавая силы. Добавляя отчаянной ярости кипящему во мне раздражению.

Я и только я хотел решать, кому на нее смотреть. Кому с ней говорить и кому прикасаться. Она забрала у меня часть моей долбаной жизни, и да, у меня было на это полное право!

Она плакала тихо, беззвучно. Стояла и смотрела, как я вытираю кровь на лице колючей снежной крупой, роняя на куртку крупные горошины слез, прижимая к груди наши сумки и свою шапку. Уже не снежно-белую и новую, а в бурых пятнах грязи. Побывавшую под ногами парней, когда девчонка сдуру бросилась мне на помощь, а я ее оттолкнул.

– Хватит реветь, скелетина! Хватит, слышишь! Уже все закончилось.

Мы стояли в самом начале поселка Черехино, где нас высадил кондуктор, и я пытался остановить кровь.

– У тебя губы разбиты и нос.

– Тебе какое дело? – это прозвучало грубо, и я выдохнул, запрокидывая голову. – Не только у меня, если ты не заметила.

– Стас, я не хотела, честное слово! Очень больно?

– Лучше заткнись.

Что-то упало на землю – сумки, а следом шапка. Я обернулся, но все равно оказался не готов к тому, что она приблизится ко мне и коснется лица. Приложит к разбитым губам платок, распахнув навстречу моему взгляду свои невозможно-синие глаза. Проведет пальцами по губам, так осторожно, словно я сделан из стекла.

Еще никогда голос не предавал меня, а собственная рука не казалась такой тяжелой и непослушной. Я замер, ошарашенный этим прикосновением, близостью Эльфа и тем фактом, что едва не задохнулся от этой близости.

Сердце стучало как сумасшедшее, воздуха не хватало... Я накрыл ладонью руку девчонки, лежащую на моей щеке, и сжал. Закрыв глаза, с силой оторвал от себя, отступая на шаг. Выдохнул так зло, как только был способен в тот миг, с рваным вздохом силясь втянуть в легкие побольше воздуха.

– Никогда меня не касайся! Кажется, я просил тебя держаться подальше...

– Но я подумала...

– Что? Что ты подумала, скелетина? Что это из-за тебя я бросился на них?! Из-за того, что ты моя сводная сестра и мне стало жаль тебя?!. – Я отбросил прочь ее руку, которую все еще сжимал в пальцах, и хрипло рассмеялся, видя, как гаснут глаза девчонки. – Мне жалко Батю и мать. А ты... Я ненавижу тебя. Ненавижу. Всегда помни об этом.

POV Настя

Я помнила. Помнила, когда оставалась одна в его комнате и сворачивалась клубком в его постели. Когда пользовалась его ванной и отодвигала его вещи в стенном шкафу. И делала вид, что сплю или читаю, когда он заходил в комнату и брал, что хотел, не замечая меня. Не смущаясь, если заставлял в пижаме или расчесывающую мокрые волосы, стоя у окна. Никогда не предупреждая свой визит стуком в дверь. Как бы ни хотела мачеха, это была спальня сводного брата, его территория, и он не собирался уступать мне права на владение.

– Скелетина, попробуешь запереть дверь, и я ее сломаю, – однажды бросил через плечо, даже не взглянув в мою сторону, и я поверила.

Как поверила в то, что это вовсе не из-за меня он ввязался в драку.

У него было столько причин ненавидеть меня, но всякий раз, когда я об этом думала, чувствуя на себе его серый неприязненный взгляд, мое сердце болезненно сжималось, не желая понимать: почему? За что он так жесток со мной?

«Я ненавижу тебя. Ненавижу. Всегда помни об этом».

Теперь я ездила в школу одна, покидая дом намного раньше брата. Отговариваясь мачехе тем, что занимаюсь до уроков с подружкой. Завтракала в одиночестве, а возвращаясь домой, старалась отмолчаться за ужином. Это было нетрудно. Отец почти никогда не заговаривал со мной первым, а мачеха... А мачеха и без того знала обо мне все. Я сама не заметила, как привязалась к ней. К этой высокой, крупной женщине с властной внешностью и крепкой рукой, всегда находившей для меня доброе слово и немного личного времени. Именно ей я рассказывала о своих успехах и новых друзьях. Делилась надеждами на выздоровление бабушки. Именно ей говорила спасибо за то, что сыта, одета и с крышей над головой. Была благодарна за равнодушие к моей судьбе и изо всех сил старалась порадовать мачеху оценками, встречая одобрение и тихое довольство в ее глазах.

– Гриша, все-таки Настя у тебя умница. Вчера учительница из школы звонила, сказала, что у нашей девочки все хорошо. Стараются, учится прилежно, уроки не пропускает.

– Эм-м, да. Молодец, дочка.

– Если так дело пойдет и дальше, то не вижу трудностей. Ты бы поговорил с Ниной Ивановой насчет внучки. Пусть в нашем городе школу заканчивает. Все-таки большой промышленный центр, достойный уровень образования, да и в вуз престижный поступить, как оказалось, ей вполне по силам.

– Ну, не знаю, Галя. Вряд ли мать согласится. И потом... друг у Насти близкий живет по соседству – Егором звать. С детского сада не разлей вода. Как она без него?

Друг был, это правда, но вот то, что отец о нем знал, оказалось для меня сюрпризом. Хотя, кажется, в далеком прошлом наши родители очень дружили.

Отец улыбнулся своей шутке, словно натянул улыбку, и снова уткнулся в тарелку, ловко кромсая ножом отбивную, а у меня заныло в груди, как бывало уже не раз: я не могла заставить его любить себя. И находиться рядом – тоже не могла. Он не отталкивал меня, но и близко к себе не подпускал. Между нами всегда оставался тот шаг, самый главный, стирающий любые расстояния между родными людьми, который отец давно оставил за собой.

Если мачеха и заметила, как я сжалась на стуле, то виду не подала.

– Ох уж эти мальчишки. Еще пару лет, и отбоя у Насти от них не будет, помняи мое слово. Сегодня друг, а завтра – кто-то гораздо больше, и хорошо, если обойдется без наломанных дров. Все же ты подумай насчет школы, Гриш. Мы далеко, а свекровь со своим здоровьем за девочкой не присмотрит как следует. Я против не буду, пусть Настя живет с нами, учится. Нам вполне по силам поднять двух подростков.

– Даже не знаю, Галя.

– Стаська, сын, а ты что думаешь?

Сводный брат в это время держал в руке чашку с чаем, и его реакцию я угадала по побелевшим от напряжения костяшкам пальцев, сдавивших хрупкий фаянс.

– Мне все равно.

Галина Юрьевна рассмеялась. С неожиданным раздражением, заставившим отца обернуться. Да, она куда лучше нас знала своего сына.

– Все равно? Что ж, посмотрим насколько, – только и сказала, и больше мы к этому разговору не возвращались.

– Матвеева, да не переживай ты! Ничего особо сложного от нас не требуется! Подумаешь – выйти, попрыгать, разогреть зрителей, прокричать речевку и разойтись по домам! Должны мы поддержать свою команду или нет? Это же чемпионат школы по баскетболу! Полуфинал года! Даже такая лентяйка, как я, это понимает! Где я и где физкультура, заметь – на разных полюсах планеты, а все равно согласилась участвовать!

– Лентяйка? Лучше прямо скажи, Кузнецова: «толстуха», – так будет честнее, – это сказала Динка Губенко, подкрашивая ресницы у окна за нашими спинами, и Дашка хищно ей улыбнулась.

– Да хоть пупс в квадрате, Диночка! Может, я воспитываю в душе любовь к прекрасному и себе ненаглядной. Кому не нравится, пусть подавится! Меньше всего я намерена переживать по поводу своей офигенной фигуры и твоего отравления черной завистью. Промой кишечник, говорят, помогает.

Мы стояли возле дверей большого школьного спортзала и ждали тренера. Сегодня я узнала, что через неделю в школе состоятся соревнования по баскетболу среди старших классов, и в традициях девчонок каждого класса поддержать спортивным танцем своих парней.

В нашем классе было тринадцать девчонок, но тренер попросил остаться после уроков семерых, в том числе и меня, и я очень переживала по этому поводу. Не представляя, чего ожидать от подобной тренировки.

– А мне нравится, – хохотнул Петька, подпирая стену плечом, и Дашка сконфуженно охнула, оборачиваясь к парню.

– Збруев, снова ты! А ну растворился в забвении, призрак! Достал уже!

Даже я успела привыкнуть к перепалке между этими двумя, которая повторялась ежедневно, поэтому не удивилась, когда Збруев обиженно нахмурился.

– Это ты, Белка, достала. Вообще-то, я капитан команды, если ты забыла.

– Вот и командуй командой! Нечего в чужие разговоры вступать!

– И командую!

– И командуй! Еще скажи, что это не ты виноват, что мы с Матвеевой торчим здесь, как два австралопитека на пляжной дискотеке!

– Ну, я.

– Так и знала, что это твоих рук дело! А я тут распинаюсь перед Настей! Ну, Збруев...

– Да чего ты завелась-то, Белка? – возмутился парень. – Общий же вопрос! Или мне одному надо?

Кажется, Петька обиделся всерьез, и Дашка, выдохнув, лишь махнула рукой.

– Да иди ты...

С нами стояла Аня Скворцова, высокая худенькая шатенка, с усыпанным веснушками лицом и курносым носом, и девушка, глядя, как я одергиваю на себе короткие шорты и длинную футболку, достав из сумки расческу, поднимаю волосы в высокий хвост на макушке, тихо заметила:

– А ведь Даша права, Матвеева. Все у вас получится. Это же не соревнования американских команд чирлидеров, подумаешь. Вот только Маринке Воропаевой вряд ли понравится,

что ты с нами. Да и ее подружкам тоже. Даже не знаю, почему они тебя так не любят. Если что, просто не обращай на них внимания, хорошо? Тем более что у тебя есть Дашка. Уж она-то точно никому из них не по зубам!

Это была правда, и мы рассмеялись.

– Хорошо.

Это оказалось нетрудно – не обращать внимания. Я уже привыкла с косым взглядом симпатичной блондинки и смешкам за спиной. Она словно говорила мне: я знаю, какая ты на самом деле. Знаю, кто ты есть: жалкая бедная родственница в старом смешном пальто и бабушкином кардигане. Мне нечего было противопоставить этим насмешкам, кроме равнодушия, и я не позволяла невзлюбившей меня однокласснице пробить защитную маску.

У нас с Дашкой действительно получалось. К третьему дню тренировок болело все тело и от бесчисленных прыжков дрожали ноги, с Дашки пот лил градом, но мы выучили все танцевальные движения и усердно повторяли их вслед за тренером – нанятой школой студенткой хореографического училища, – не на шутку расстраивая своими успехами Воропаеву. Я бы и дальше выполняла взмахи ногами, наклоны и прыжки, как самая гибкая, выходила из мостика через стойку на руках, если бы не команда старшеклассников, с неожиданным шумом вошедшая в спортзал. Внимательные серые глаза сводного брата легко выхватили меня из толпы девочек.

– Ну вот, олени с павлином пожаловали. Только Фролова тут и не хватало!

Я споткнулась и ступевалась. Сбилась с ритма, умоляя Стаса не смотреть на меня. Что ему, других девочек мало? Вот той же Маринки, что сейчас сама ему улыбалась, встречая высокого темноволосого парня загоревшимся взглядом. Или ее подруг, что тоже не остались в стороне при виде парней, выгодно демонстрируя себя в танце.

– Матвеева, что с тобой? Тебе плохо?

– Нет, Альбина Павловна, просто устала. Можно я сяду?

– Хорошо. Отдохни пять минут, затем все вместе повторим выход на встречную диагональ! До конца тренировки осталось двадцать минут. Девочки, попрошу всех собраться и отработать урок по максимуму!

Мне пришлось пройти к скамейке через весь зал, и это было почти невыносимо. Я находилась от сводного брата на расстоянии десяти метров, а ощущала его будто бы в шаге от себя. Как будто Стас вновь держал меня за руку, глядя в глаза.

Не смотри на меня. Пожалуйста, не смотри.

«Я ненавижу тебя».

Я помню.

– Привет, Настя! Вот так встреча! – это был его друг, брат Маринки – Сергей, и, пробегая по залу, парень легко поймал меня за талию, закружив вокруг себя.

– Пусти!

– Не пущу! – засмеялся открыто, громко сообщая своему лучшему другу:

– Фрол, смотри, я победил! Как обещал, поймал самую симпатичную! Что теперь скажешь?

Старшеклассники ответили дружным смехом, но один из них точно молчал, и я леденящим сердцем почувствовала панику.

– Пожалуйста, не надо, Сергей! Отпусти! Стасу это не понравится! – попробовала освободиться из крепких рук, но тщетно, блондин оказался куда сильнее меня.

– Почему это, Настя? Все по-честному! Я Фрола предупредил, что обниму самую симпатичную, – и сдержал слово! А может, ты мне нравишься?

– Нет!

– Да!

– Отпусти.

– Какая ты неуловимая. Никак не подобраться в школьных коридорах, все убегаешь. Кстати, не думал, что ты такая худенькая и легкая. Знаешь, Матвеева, тебя легко носить на руках.

Парню было весело, и он действительно поднял меня на руки, скользнув ладонью под голые колени, а я закрыла глаза, не зная, чего ждать от него дальше. Где-то возмущенно вскрикнула Дашка, но Сергей уже опускал меня на скамейку. Прежде чем уйти, он вдруг неожиданно серьезно заметил:

– И запомни, Настя: Стас мне не командир, а Маринка дура, что ревнует.

– Что?

Но он уже удалялся, направляясь к своим друзьям, оставив меня изумленно смотреть ему вслед.

Ревнует? Марина? Но почему?

Я медленно перевела взгляд туда, где в окружении парней стояли одноклассницы, и внезапно почувствовала, как сердце рванулось в груди, словно опаленное жаром. Застучало раненно у самого горла, заныло больно, перекрывая дыхание. Это произошло со мной впервые и так неожиданно, что я не смогла усидеть на скамейке и вскочила на ноги, обхватывая шею ладонями.

Не было ярости и не было зла в глазах сводного брата. Напротив, сейчас они лучились безнаказанным весельем и вовсе на меня не смотрели. У Стаса в руках была Маринка Воропаева, красивая девчонка, он обнимал ее за плечи, и оба счастливо улыбались.

Кажется, изумление сковало не только меня, однако тренер-хореограф, сама еще студентка, гораздо раньше своих подопечных взяла себя в руки.

– Ребята, одиннадцатый класс, что происходит? С ума сошли! Вы срываете мне репетицию! Немедленно освободите спортзал, или я вызову директора! Ваша тренировка начнется только через полчаса!

– Да ладно вам, Альбиночка, угомонитесь, – это сказал Стас, крепче притягивая к себе сестру друга, и рот у девушки открылся от удивления.

– Что?!

– Что слышала. Не переживайте, Альбина Павловна, – он нехотя сменил интонацию, – мы просто поприветствуем девчонок и разойдемся. Правда, ребята? Как можно пройти мимо, когда у вас здесь так интересно. М-м-м. И костюмчики будут что надо, да? Короткие юбочки там, топики, то-сё...

Ребята захохотали, и кое-кто из одноклассниц поддержал смех. Я смотрела во все глаза на сводного брата, не понимая, что со мной происходит. Что меня так мучит?

Он ответил мне взглядом, на незаметный другим миг прогнав с лица улыбку и сжав рот в твердую линию. Опустив глаза, отвернулся, снова улыбнулся... и поцеловал Маринку.

Коротко, в губы, на глазах у всех.

– Пошли отсюда, Настя, – верная Дашка, оказавшись рядом, вовремя потянула меня к выходу, прежде чем я смогла увидеть, чем все это закончится. – Говорю же: олени, они и в Африке олени – бесстыжие, безрогие бабуины с павлиньим пером в заднице! Все равно уже занятие сорвано.

* * *

Стих от Насти. Лирическое отступление. Тетрадь.

*Город в тусклых огнях. Дождь
Моросит по ноябрьским окнам.
В этом городе я промокла,*

*Этот город пробрал насквозь
Паутиной безликих улиц,
Серой плесенью стылых дорог.
Почему мы сюда вернулись?
Разве он затеряться не мог?
Где-то там, среди тысяч похожих,
Незнакомых, чужих городов,
Где глухие шаги прохожих
Мнут унылую сень домов?
Почему не пропал? Не сгинул?
Не забылся, развеян сном?..
...Тишина. Тихий скрип ступеней.
Открываю дверь. Здравствуй, дом.*

POV Стас

Я словил пас, сделал шаг и подпрыгнул – мяч легко с навеса вошел в корзину.

– Отлично, Фролов! Есть второй трехочковый! – свисток тренера остановил игру, и мы все выдохнули, хлопая друг друга по плечам.

– Неплохая игра, ребята, но можно лучше. Гораздо лучше! – недовольно заметил Марк Степанович. Чем ближе была дата соревнования, тем строже тренер спрашивал с нас, регулярно загоняя в пот. Вот и сейчас мы все порядком вымотались, второй час кряду гоняя мяч по баскетбольному полю, но я был не в претензии, отдаваясь игре. В отличие от взывавших ребят, мне нужна была хоть какая-то разрядка. – Надеюсь, в конце следующей недели вы покажете отменный результат! Помните: лучшие игроки школы примут участие в областном чемпионате уже в марте! А там и до региональных соревнований дойдем! Так что завтра к трем чтобы все как один были на тренировке! А сейчас, орлы, по домам, живо! И чтоб через минуту в зале никого не видел!

Я стянул майку и вытер лицо. Бросил на плечо, направляясь к выходу. Где-то на балконе второго этажа взвизгнули девчонки, наблюдавшие за игрой, но мне было плевать. Одной из них я сегодня уже отмерил щедрую порцию своего внимания, хватит. Я не намерен был отрываться от себя еще кусок.

В памяти всплыло бледное холодное лицо Марины. Как наклонился к ней и поцеловал, вот только вкуса поцелуя не почувствовал. Ничего не почувствовал, только чужой рот и отчаянное движение своих губ, которые захотелось тут же вытереть. Грубо. Сплюнув на пол соленую слюну.

Такую же вязкую и горькую, как сейчас.

Я снова машинально отер рот и негромко выругался, злясь на себя за подобную глупость. Чертов дурак! Гораздо больше поцелуев мне нравилось продолжение, и чем смелее, тем лучше, которое заканчивалось удовольствием – острым, необходимым как воздух. Спасибо моим взрослым подругам, что понимали это и не настаивали. Все остальное было пустой тратой времени.

– Стой, Фрол! Надо поговорить. Наедине.

Воропаев нагнал меня уже у раздевалки, положив руку на плечо. Я легко стряхнул ее, даже не глядя на друга. Всю игру я держался с ним холодно, да и сейчас мне все еще хотелось ударить его. Гораздо больше, чем ответить:

– Хорошо. Где?

– За школой.

– Можно и поговорить...

...Я редко когда обходил его вниманием, но сейчас не дал прикурить. Чиркнул у лица зажигалкой и выдохнул перед собой дым, пряча ее в карман. Если Воропаев и удивился, то вида не подал. Не обломался, щелчком выбил из пачки сигарету и прикурил сам.

– Так о чем ты хотел поговорить со мной, Серый? Надеюсь, не о Полозовой? Скажешь Раевскому: пусть подкатывает, мне она не интересна.

– Да мне тоже насчет Ленки как-то фиолетово. Нет, не о ней, о Маринке.

Мне нелегко далось удивление, но я постарался.

– И? Что тебя смущает, Серый?

– Фрол, ну ты даешь! Не прикидывайся! – Воропаев осторожно улыбнулся, напряженно всматриваясь в мое лицо. – Знаешь ведь, что Маринка по тебе с детства сохнет. Помнишь, в десять лет она как дура письма писала, а я носил. Мы еще ржали над ними как кони. Если бы не знал, что сестра сама не против, уже бы морду тебе набил, а так...

– А что так? Жалеешь или боишься?

– Брось, Фрол! Скорее, не пойму. Неужели ты решил ответить взаимностью? Серьезной взаимностью?

Это был тот самый вопрос, которого я ждал, и я легко ответил на него встречным, волнуящим меня сейчас куда больше симпатии сестры Воропаева.

– А ты?

Мы смотрели друг на друга прямым взглядом, и мне хотелось верить, что он поймет. Догадается сам, о ком именно идет речь.

Серый понял. Отвел на миг глаза, закусил губы, перекатив сигарету в зубах, чтобы вновь с упрямством поднять голову и посмотреть на меня.

– Она мне нравится. Очень. С первой встречи.

Что ж, неприятно, зато честно. Руки снова сами собой сжались в кулаки, а кровь помчалась по венам, горяча кожу. Я тоже не собирался юлить перед другом.

– А мне – нет. Плевать я на нее хотел.

Воропаев рассмеялся. Глухо, натянуто, скорее бравируя смехом появившееся между нами напряжение.

– Не вижу проблемы, друг! Не понимаю, почему это должно тебя касаться?

Кажется, он действительно не понимал.

– Зато тебя – очень даже.

– Каким боком? Мне нравится, тебе – нет. Наплюй, Фрол! Жизнь хороша, когда ее живешь! Смирись, я все равно не отступлюсь. Но обещаю не мозолить глаза и быть с девчонкой осторожным.

Его веселье уже порядком раздражало, как и непроходимая тупость.

– Ты не понял, Серый, – смятая сигарета полетела прочь, а рюкзак взлетел на плечо. – Мне не нравится твоя сестра. Никогда не нравилась.

– Маринка?

– Совершенно верно.

– Но...

Я не хотел демонстрировать, но он сам вынудил меня. Подняв к лицу руку, я брезгливо отер кулаком рот.

– Глупая девчонка. Да, я могу поспорить и на нее тоже.

Вот теперь то самое молчание и понимание в глазах. Наконец-то. И ни следа смеха на обмякших губах.

– Ты не сделаешь этого.

– Почему, Серый? Чем она лучше других? До сих пор тебе нравились наши забавы.

– Нет.

– Да.

– Нет!

– Да, твою мать! Да, Воропаев! Или мы отступимся оба!

Злость клокотала в горле, пульсировала в висках, зудела в руках. Мы готовы были схватиться, но я все равно сказал, уже тише, но не менее яростно, впиваясь злыми пальцами в воротник друга:

– Никогда не подходи к моей сводной сестре, иначе пожалеешь. Я, и только я буду решать, с кем ей быть! Кому ее, нахрен, лапать! Ты меня понял?!

Он понял. С не меньшей злостью отбросил руку, но отступил. Прощедил сквозь зубы, сплевывая горький ком обиды себе под ноги.

– Неожиданно, Фрол. А помнится, еще недавно ты говорил совсем другое. Что, зацепила сестренка мажорчика Стаса? Жалкая бедная родственница?

Я все-таки ударил его, заставив заткнуться. Глядя, как друг утирает разбитые губы, приготовился ударить снова. Что я чувствовал – это было не его долбаное дело, и я не собирался держать перед ним ответ.

– Я ненавижу ее, и это все, что тебе стоит знать.

POV Настя

– Галя, перестань. Стас уже не маленький. Я к нему дозвонился, у него все хорошо, слышишь? Он на даче у друзей, здесь недалеко. Отмечали день рождения, вот и остался. Ну чего ты завелась? Не первый же раз.

– Ах, на даче...

– Галя...

– Щенок малолетний! Дожили! Уже мать ни в грош не ставит! Гриша, клянусь, если этот раздолбай еще раз выкинет нечто подобное, я его сама собственноручно вышвырну из дома на вольные хлеба! Пусть помытарствует, хлебнет с моего, может быть, хоть тогда родителей ценить начнет!

– Ну, зачем ты так, Галочка? Знаешь ведь, что не вышвырнешь. Парень вырастет, это неизбежно. Все равно вечно у юбки не удержишь. Да и с характером он у нас...

– Не рано ли, Гриш, характер показывать?

– А чего ты удивляешься? Весь в тебя! Сама говорила, что тебе никто был не указ, вот и он такой же.

– Да знаю я! Хотя ты и сравнил несравнимое. Да уж, воспитала обалдуя на свою голову. Чувствую, напляшемся мы еще с ним.

Галина Юрьевна нервничала. Сидя ранним утром в столовой между мачехой и отцом за чашкой чая, я старалась казаться еще незаметнее, чем обычно, понимая без слов их настроение. Разделяя беспокойство за судьбу сводного брата, но не имея возможности ничем помочь.

Прошлым вечером Стас не пришел домой. До позднего часа не отвечал на звонки, а к полуночи стало ясно, что ночевать дома он и не собирается. Не знаю, как и когда отец дозвонился до пасынка, но в сравнении с мачехой он казался намного более спокойным. На следующий день родителям предстояла важная поездка на рабочий объект в соседнюю область, и он как мог старался успокоить жену.

– Да придет, Галя, не волнуйся. Какой бы ни была причина, здесь его дом и семья. Перебесится и прибежит, по себе знаю.

– Ладно уж, Гриш, не успокаивай...

Школьные занятия прошли как обычно. Со вчерашнего дня меня не покидала непонятная грусть, и, глядя на счастливую Маринку Воропаеву, без умолку трещащую на переменах с подружками, вспоминая ее вчерашний поцелуй со Стасом, я почему-то чувствовала себя ужасно глупой и смешной. Как будто снова стояла в красивой прихожей незнакомого дома мачехи в своем стареньком поношенном пальто и шапке. Не смея поднять глаза от стыда и страха.

Могла ли такая уверенная в себе девчонка, как Маринка, ревновать меня? К чему? К кому? Говорю же: смешно и глупо. Тем глупее сейчас ощущалась тоска в сердце, а глаза осторожно искали сводного брата. В столовой, в многолюдных коридорах, в шумной толпе школьного двора. Высокую темноволосую фигуру уверенного в себе парня, которая притягивала девичье внимание.

Но в школу Стас так и не пришел. Наверно, о причине его отсутствия Маринке сообщил ее брат Сергей, потому что с тренировки по чирлидингу Воропаева ушла в слезах, а я понадеялась, что со Стасом все хорошо.

Иначе бы мне позвонил отец.

Ведь позвонил бы?

Когда сводный брат появился в моей комнате вечером, я сидела за его столом и делала уроки. Было уже поздно, но спать не хотелось, и я читала Булгакова, вписывая в тетрадь заметки для школьного реферата. Две минуты назад я слышала, как мачеха внизу громко рас-

пекала вернувшегося домой сына, и вот теперь он стоял на пороге моей спальни... его спальни, и смотрел на меня. Тяжело, молча, после долгой минуты этого тягостного молчания так ничего и не сказав.

Сначала у меня покраснели щеки, а потом и шея. Не знаю, почему я встала, но взглянуть на него так и не смогла. Зато смогла сказать, хотя голос, как всегда в присутствии сводного брата, прозвучал слабо и тихо:

– Хочешь, я уйду прямо сейчас. Я могу спать в гостиной или где-нибудь еще, никто ничего не узнает...

Но он уже громко хлопнул дверью, заставив вздрогнуть от удара, как от пощечины. Сказав этим хлопком гораздо больше, чем словами. Он продолжал ненавидеть меня, так же глубоко и упрямо, как дышал, и мои подачки были ему не нужны.

На следующее утро я убежала в школу еще раньше обычного (родители уезжали в командировку, и я неловко поцеловала мачеху в щеку, смутив ее своим вниманием и неожиданно смутившись сама), уже привычно пробежала по красивой, заснеженной улице Черехино и смело запрыгнула в первый автобус. Стас сам нашел меня у школьной раздевалки, загородив путь широкими плечами и легко оттеснив в сторону. Сказал бесцветно, словно обращался к невидимке, даже не дождавшись, когда я подниму на него удивленный взгляд:

– Сегодня ко мне придут друзья. Надеюсь, скелетина, ты не будешь дурой и забьешься куда-нибудь мышью. И только попробуй хоть слово о вечеринке вякнуть отцу с матерью, пожалеешь...

– Что этот павлин хотел от тебя, Насть? Ты видела, как важно развернулся? Чуть на Петьку не налетел. Фролов что, совсем ослеп?

От Дашки мало что удавалось скрыть, вот и сейчас, собираясь на урок, подруга хмуро смотрела в спину Стасу, не представляя, какая паника поднялась в моей душе с его словами. Какой ненужной и нежеланной я вдруг себя почувствовала. Словно песчинка, что снова угодила с берега в море и сейчас медленно опускалась на дно.

Вечеринка? В доме мачехи? Но ведь родители обещали приехать к ночи, если их ничего не задержит. Галина Юрьевна сама утром сказала, что постарается вернуться! Что на Стаса надежды нет, пусть он и обещал взяться за ум. Обязательно вернутся, осталось только запустить поток с новым дорогостоящим оборудованием и получить на выходе первую партию изделий... А отец промолчал.

– К-кажется, он меня с кем-то спутал, – соврала я Дашке, отводя взгляд.

Врать я никогда не умела и чувствовала себя ужасно. Вместе с подругой отправилась на урок, за собственными переживаниями едва ли заметив, как получила «отлично» за реферат и «хорошо» по английскому и как странно смотрела на меня Маринка, снова шушукаясь с девочками. На тренировке ей никак не удавалось поймать меня за колени, когда из мостика я становилась в стойку «на руках», и я снова и снова больно ударялась пятками о пол, не сумев удержать равновесия.

– Терпеть не могу эту зазнайку Воропаеву. И чего она на тебя взъелась?

– Не знаю, Даш, но мне все равно.

– А мне нет! Она тебя, Настя, покалечит, а Альбина Павловна со своей неумной фантазией даже не заметит! Придумала тоже! Что мы ей тут, гимнастки, что ли?! Пусть в своем хореографическом отрывается, а мы на такое не подписывались!

– Так ведь она как лучше хочет. Это же ее работа.

– Она – да, а вот Воропаева – не уверена. Той только первые роли подавай, а тут ты со своей гибкостью.

Мы уже выходили из школы, и Дашка, сбегая по ступенькам крыльца, как всегда спросила, невзначай поглядывая в сторону топчущегося на аллейке Збруева:

– Домой, Насть?

- Я не собиралась домой и не собиралась больше врать подруге, поэтому честно ответила:
- Нет, в больницу к бабушке. Папа ее не сможет сегодня навестить, вот и провожаю сама.
 - Ну, пока! До понедельника! Передавай привет бабушке!
 - Пока! Обязательно передам!

На календаре была пятница, и школа быстро пустела. Еще раз помахав на прощание Дашке и Збруеву, я поправила шапку, затянула шарф и направилась к проспекту. Больница, где лежала бабушка, находилась на расстоянии в две автобусные остановки. Несколько раз после занятий отец встречал меня у школы, чтобы навестить мать, и я решила, что запросто смогу пройти знакомым маршрутом. Тем более что время только-только перевалило за три часа дня, улица оживленно шумела, а после предупреждения сводного брата идти домой совсем не хотелось.

– Нет, девонька, тебе не сюда. Сегодня Нину Матвееву перевели в другое отделение, спустись-ка этажом ниже...

– Спасибо...

Из отделения кардиологии бабушку перевели в терапию. Я осторожно прошла коридором и отворила дверь незнакомой палаты. В последние дни бабушке стало значительно лучше, но она все равно казалась больной и слабой.

– Ну как тебе у отца, внученька?

И так не хотелось ее огорчать.

– Хорошо.

Я сидела у больничной кровати и держала бабушку за руку. Мы болтали о том о сем, но больше смотрели друг на друга и улыбались.

– Гриша говорит, что Галя тебя не обижает и приняла, как родную дочь. Вон даже одежду новую купила и учебники. Дай ей Бог здоровья! А я так боялась, что невзлюбит. Все же ты чужая кровь для нее ...

– Да, Галина Юрьевна очень добрая. Очень-очень!

– А еще говорит, что вы подружились со Стасом. Видный парень у Галины, я фотографии смотрела. Красивый. Небось, в школе от девчонок отбоя нет? Поди важничает на каждом углу? Знаю я таких красавчиков. Смотри, Настенька, не влюбись, ты у меня девочка домашняя. Влюбишься, что делать будем?

Этот разговор был необычным для нас, и я смутилась. Пожала плечами, застенчиво пряча глаза, чувствуя вдруг, как заливаюсь румянцем.

– Бабушка, перестань. Я ему даже не нравлюсь. Мы почти не разговариваем, у Стаса в школе свои друзья. Если честно, он мне не очень рад, но я не обижаюсь.

– А и правильно! И не надо! У тебя Егорка есть. Хороший парень растет! Вот вернемся в город, расскажешь ему, как ты здесь жила-была и что видела. Соскучилась, наверно, по Егору-то?

– Очень! – это была правда, и я широко улыбнулась, вспомнив симпатичное голубоглазое лицо своего соседа и товарища по детским играм. Тощую, нескладную фигуру, смешливые губы и торчащие светлым ежиком волосы. – Еще как соскучилась!

Бабушка вдруг погрузилась. Иногда на нее накатывала минутная хандра, и я покрепче сжала теплые сухие пальцы, не желая ее ничем расстроить.

– Ну чего ты, ба? Ведь все хорошо! Я здесь, с тобой, и папа обязательно к тебе придет, вот увидишь! Он просто сегодня не может!

– Да знаю я. Не о том грущу, Настенька. Вот смотрю на тебя, а вижу Анечку. Маленькой была похожа на мать, а теперь и вовсе одно лицо вы с ней. У Анечки были такие же живые глаза – большие, синие, лучистые. Вот как у тебя, внучка. И волосы необычной красоты. Мягкие, вьющиеся, спадающие к талии темно-русой волной, все мальчишки засматривались. Эх, зачем я позволила тебе их остричь? Вот дура старая.

- Ба, а расскажи о маме, я ее совсем не помню.
- Настенька, так ведь сколько рассказывала уже.
- Все равно. Еще раз расскажи! Я без нее так скучаю.
- Детка моя...

– Ну, пожалуйста! Вот как с папой познакомились, расскажи! Это правда, что они ходили в одну школу?

Конечно, я знала ответ. Но так хотелось услышать обо всем еще разок!

– Правда. И жили с нами по соседству в новом заводском доме. Точнее, переехали, когда Гришка в десятый класс перешел. Отец у Анечки был главным инженером завода, его к нам из столицы командировали, а мать – вроде как художница. Женщина молодая, видная и редкой красоты. Анечка говорила, что до замужества мама работала актрисой в каком-то драмтеатре, но я уже не помню подробностей. А вот пару эту примечательную помню и сыночка их старшего, Николая – дядю твоего, как сейчас вижу. Гордый был, с отцом работал. Не чета они были нам, а мы – не ровня им, потому и не знались.

Я в этом месте вздохнула, как вздыхала много раз прежде под рассказ бабушки, и она привычно погладила мое плечо.

– Как было, Настенька, так и говорю, из песни слов не выкинешь. Я-то Гришку своего сама воспитывала, без отца, в коммуналке, а тут семья с положением да с почетом. Одна Анечка у них тихоней была, уж и не знаю, в кого такой удалась. В общем, как увидел ее мой Гришка, так с ума и сошел. Тенью за ней ходил, под окнами дома торчал. И подойти не решался, и без нее не мог. Я все надеялась, что пройдет эта запойная любовь у него. Куда там! Дважды его, дурака, с крыши стаскивала. Первый раз, когда друг старшего брата Анечке предложение сделал, сразу после выпускного, а второй... А во второй раз таки спрыгнул. Хорошо, что балконные веревки спасли, да сугроб, навернутый дворником, под окнами оказался. Чудом Гришка живой остался. А вот я поседела. В один день могла обоих детей лишиться. Ох, внучка, не люблю я о том трудном времени вспоминать. Такое горе. Одна ты отрада у нас с сыном и осталась. Как две капли воды Анечка, ни дать ни взять.

Вошла медсестра измерить давление и сделать бабушке укол, и я тихонько отошла в сторону. Спустилась в буфет за кефиром, позже перестелила постель. Мы еще немножко посидели у окна, поглядывая на опускающийся вечер, я рассказывала бабушке о школе и новых друзьях, пока заглянувшая в палату санитарка не напомнила о времени. О том, что пришла пора закрывать отделение для навещающих.

– Ох, Настенька, засиделись мы с тобой! Счет времени потеряли! Ну, беги домой, внучка, совсем стемнело уже! Отец будет беспокоиться.

Не знаю, почему я сказала? Наверно, потому, что бабушка была самым близким человеком, и слова сорвались с языка сами.

- Не будет. Он меня совсем не любит. И никогда не любил.
- Не говори так, Настя! Конечно, любит. И всегда любил. Что за глупости?
- Нет.

Но мы обе чувствовали и знали ситуацию глубже, чем отражалось на поверхности, и бабушка устало вздохнула.

– Ему все еще трудно смириться со смертью Ани. Столько лет прошло, а Гриша, как приезжает, так каждый раз на кладбище цветы несет. Простить не может ни себе, ни семье ее родителей. Первая школьная любовь так просто не забывается.

– Но я? В чем виновата я, бабушка?..

Больницу закрыли, и я снова вышла к проспекту, где уже зажглись фонари. Влившись в поток прохожих, пошла вдоль улицы, решив немного прогуляться. Мне никогда прежде не приходилось так поздно бывать одной в незнакомом городе, но я понятия не имела, во сколько начнется и когда закончится вечеринка сводного брата. Злить его совсем не хотелось, и оста-

валось надеяться, что смогу уехать последним автобусом. Или предпоследним. А там и родители вернутся. Ведь вернутся же?... Интересно, до которого часа работает маршрут и где можно узнать расписание?

– Вы случайно не подскажете, где автобусный вокзал?

– Который из них тебе нужен? Южный?

– Н-наверно.

– Поднимешься вверх на квартал, там сядешь на двенадцатый трамвай и сойдешь за две остановки до конечной.

– Спасибо.

– Ты проехала, девонька, придется вернуться.

– Спасибо.

– Нет, здесь не ходит маршрут в Черехино, это другое направление.

– Извините...

Я заглянула в карман – денег осталось совсем немного, только на обратный автобусный билет. Выйдя из здания вокзала, огляделась. Сколько я ехала на трамвае? Кажется, не так чтобы очень долго. Если буду торопиться, то обязательно успею вернуться к школе, а там и домой. Вот только бы еще дорогу найти.

Время на телефоне показывало девять часов вечера, надо было спешить.

Я шла долго. Так долго, что руки и ноги замерзли, зубы стучали, а язык почти не слушался. Сворачивала на центральные улочки, более светлые, стараясь не потерять трамвайную линию, но все равно не заметила, как заблудилась.

– Вы не подскажете, где находится сто седьмая школа?

– Это что, шутка? Неудачная, надо сказать...

– Скажите, пожалуйста, в какой стороне Черехино?

– Без понятия.

– А вы не знаете...

– Шла бы ты домой, девочка! Ночь на дворе! И куда только родители смотрят!

– Извините, а...

– Ты одна, малышка? Что, серьезно совсем одна? Я бы мог тебя проводить, какая ты худенькая. Да стой ты, куда убегаешь!.. Стой!

Я не хотела звонить отцу, никак не хотела. Он никогда не показывал, что ждет моего звонка, и было почти страшно вот так вот неожиданно беспокоить его, сознаваясь в собственной глупости. Тем более когда он далеко и почти наверняка слишком занят, чтобы мне помогать. Но кроме номера телефона отца, я знала только телефон бабушки, а для нее новость о том, что я заблудилась, означала верный сердечный приступ...

– Да, Настя? Что? Плохо слышно. Извини, мы тут с Галей немного заняты. У нас на предприятии крупная производственная поломка! – я услышала на заднем плане стук, мужские голоса и громкий властный голос мачехи. – Поговорим позже, дочка, хорошо? Спокойной ночи.

– Спокойной... Папа... Папа! – но старенький телефон последний раз мигнул экраном и погас.

Слезы покатились из глаз. На улицах было темно и одиноко, и я совсем не знала, куда идти. Только снег все сыпал и сыпал, занося город белой крупой.

POV Стас

– Фу, Стас, как ты это пьешь? Дешевка!

Музыка орала так, что в такт ударным вибрировали стекла и дрожал пол. Ленка отставила банку с коктейлем, улыбнулась и снова прильнула ко мне. Обвив руками шею, потянулась к губам. Че-ерт.

– Детка, не сейчас. Курить хочу.

Курить не хотелось, но чувствовать чужие губы на своих – не хотелось больше. Я прикурил сигарету, запрокинул голову и мягко выдохнул дым. Ленка тут же наползла на бедра и нашла губы. Заерзала на мне призывно, забираясь пальцами под расстегнутую рубашку. Пришлось ответить. Нехотя, но сегодня она заслужила свою порцию нежности.

– Ну, хватит, малыш, – я улыбнулся, легко отталкивая ее. Отвернулся к друзьям, оставив сигарету в зубах. – Не люблю этого.

В комнате стоял полумрак и было полно народу. Кого-то я знал, кого-то видел впервые, но Рыжему доверял как себе, поэтому не переживал на чужой счет. Кто-кто, а Бампер умел заводить друзей, и плевать, скольких сегодня он притащил за собой. Два дня мы развлекались на даче его родителей, сегодня тусовка переползла ко мне, и я не имел ничего против.

Заиграла новая композиция рок-старичков [Lynyrd Skynyrd](#) «Low Down Dirty», и Ленка потрусила танцевать. Оглянувшись на меня, сложила обиженно губы. Дура. Не помню, чтобы я что-нибудь ей обещал. Она с самого начала знала, зачем сюда шла.

– Эй, Фрол! В этом доме есть что пожрать? Хорошо бы разбавить выпивку, а то, чувствую, заблую твой семейный коверик! Бли-ин, братан... Как меня мутит...

Я встал и направился к выходу, цепляя пьяного Сашку за шею. Выйдя в коридор, втолкнул друга в туалет. Черт, и когда он успел набраться? Водки было всего ничего, большей частью догонялись коктейлями.

– Проблюешься, Савельев, дуй на кухню, там сориентируешься. Можешь кефирчиком подкрепиться, только не подохни.

– Ну, спасибо, придурок!

– И тебя в то же место.

– Да пошел ты...

Дверь за спиной хлопнула, я растолкал народ, набросил на плечи куртку и вышел на улицу. Огляделся по сторонам, спрыгивая с крыльца.

Прошел уже час с тех пор, как я последний раз выходил сюда в надежде найти девчонку. Где же скелетина? Уже поздно, слишком поздно для того, чтобы прятаться на улице. Шутки закончились, а вместе с ними пропала и злость: где бы ни скрывалась сводная сестра, ей пора было вернуться в дом. В сумасшедший дом, где гремела музыка и слышался смех. Где каждая вторая парочка плевать хотела на предрассудки и нравы, и мы с Ленкой не были исключением. Где было тепло, сыто и где такому хрупкому существу, как Эльф, стоило сейчас находиться.

Одной, в комнате, за надежно закрытой дверью.

Я снова обошел дом и осмотрел гараж. Вернувшись в шум вечеринки, прошел по комнатам, бесцеремонно открывая двери.

– Эй, Фрол, давай к нам! У меня подружка скучает!

– Зашибись! Хата что надо!

– Надеюсь, утром родители не прибудут тебя за яйца к потолку? Черехино им наш дебош не простит.

– Ты, Хомяк, за свои яйца переживай. Целее будут!

Где ты, скелетина? Твою мать, где ты?!

– Стас, ты что, обиделся? – выпавшая из толпы подруг Ленка повисла на моем плече. Заныла, обнимая за шею. – Я же только с тобой так себя веду, ты знаешь! Стасик, пошли наверх, а? Я так устала, – разобрал невнятное у лица, прежде чем отцепил ее от себя и забыл за спиной.

– Уезжай домой, Полозова. Закругляемся!

– Но, Стас...

– В следующий раз!

Пора завязывать с этой долбаной вечеринкой!

Я снова вышел на улицу, чтобы забраться в первую попавшуюся машину. Захлопнув за собой дверь и тем самым отрезав звуки, набрал знакомый телефонный номер...

– Батя? Привет. Ты давно звонил Насте?.. Да нет, все нормально. Я здесь у Сереги Воропаева задержусь на час, матери только не говори. Игрушку новую на комп установим, и вернусь. Да, хочу Насте позвонить, предупредить, что скоро буду, все же сестра она мне, пусть и сводная. Нет, не нужно звонить, я сам. Да, скинь сообщением...

– Извините, на данный момент абонент не может принять ваш звонок...

– Извините...

– Извините...

– ...вы можете оставить голосовое, смс-сообщение или попробовать позвонить позднее.

– Збруев? Это Стас Фролов. Слушай, Збруев, есть телефон Кузнецовой? Да, твоей одноклассницы Кузнецовой! Что значит не дашь? Совсем, салага, страх потерял?! Да не нужна мне твоя Дашка! Узнай только: ночует с ней кто-то из подруг или нет? Сделаешь?..

– Алло?! Нет, не ночует? Че-ерт. Ладно, пока.

– Телефон абонента недоступен...

– Извините, телефон абонента временно недоступен...

И так еще тридцать гребаных раз. Тридцать звонков девчонке, оставшихся без ответа. Канувших без следа в тишине подступившей ночи.

Я уронил трубку, чувствуя, как на горло опустилась холодная рука страха. Обхватив ледяными пальцами глотку, сдавила кадык, перехватив дыхание. Беспокойство – чистое, неприкрытое, жалящее, до сих пор незнакомое мне – ударило в грудь, обожгло затылок, едва не поставив на колени... Чужой голос, шелестя, прошептал в ухо, словно предвкушая веселье: «Ты не должен был так поступать со скелетиной. Со своим трусливым, молчаливым эльфом, чьи глаза умеют смотреть в душу и кому сегодня ты хотел сделать особенно больно. Что ж, у тебя получилось, парень. У тебя получилось...»

Я вспомнил, как затащил Ленку в свою комнату и раздел на постели, где спал Эльф и где витал ее нежный запах. Где все было знакомым и моим. Мне почти хотелось, чтобы она вошла. Истоиво хотелось испачкать мир, не принадлежащий мне – пугающий и вместе с тем манящий, в котором жила худенькая, как тростинка, синеглазая девчонка. Задушить то, что мучило меня, когда я видел ее, когда представлял, как касаюсь ее, сжимая в руках другую. Чувствуя от разочарования злость и обиду. И ненависть. На нее, на себя, на весь сволочный мир, что посмел обыграть меня. Отнять то, что мне никогда не принадлежало и не могло принадлежать. Тогда мне и вправду хотелось сделать ей больно. Тогда, но не сейчас.

Распахнув ворота, я выскочил на улицу и побежал. Куда – не знаю, подальше от никчемной вечеринки и друзей, от того, что еще минуту назад казалось настоящим и необходимым, живым, но вдруг поблекло, обратившись в пыль. Остановила меня тишина. Заснеженный проулок, спящие за высокими заборами окна домов и что-то еще. Незнакомое, острое чувство, отозвавшееся уколом в сердце, заставившее, напоротившись на него, повернуть обратно.

Я вбежал во двор и схватил упавший в снег телефон. Оставив без внимания голоса, окликнувшие меня с крыльца, стал снова и снова набирать неотвеченный номер, надеясь сам не зная на что.

Пожалуйста, ответь мне, Эльф, пожалуйста!

Пожалуйста, слышишь!

Есть! Я даже дышать перестал, полагаясь на чудо.

– Алло! Кто это?.. Папа, это ты?! Папа!

– Скелетина?! Слава богу! Это я, Стас! Ты где?!

Сердце загрохотало в груди, кровь стучала в висках, мне казалось, что все происходит недостаточно явно.

– Стас! Стас!

– Не кричи! Динамик рубит!

Черт! Батя что, не мог девчонке телефон нормальный купить?

– Только не отключайся, слышишь!

– Стас, это правда ты?! Стас!

– Я.

Она плакала, это было слышно даже сквозь шум помех.

– Стас...

– Что случилось? Почему ты не дома? Где ты вообще находишься?!

– Я не знаю. Я заблудилась! И у меня сейчас, кажется, снова отключится телефон.

– Не смей отключаться, Настя, слышишь! Не смей! Скажи хоть какой-нибудь ориентир!

– Я в магазине «Веселая тройка...» – но телефон уже отключился.

Тройка. Веселая тройка.

Беспольный телефон врезался в бетонный забор, разлетевшись на части.

Твою мать! Долбаный ты придурок, Фролов!

Я влетел в дом, расталкивая гостей, путавшихся сейчас под ногами, раздражая своим присутствием. Рыжий стоял в компании друзей возле бара, лениво обнимая за шею девушку, что еще вчера на его даче обучала меня искусству любви, и не сразу понял мое настроение.

Девушка первой меня заметила.

– Привет, красавчик! Как ты? – на миг оторвавшись от парня, приложила губами к щеке. Затем снова уверенно обвила рукой талию Бампера. – Надеюсь, не остыл после вчерашнего? А? Молодой и рьяный? Будет время, звони, пересечемся.

– Обязательно, – я все же заставил себя улыбнуться, хотя улыбка больше напомнила оскал, но мне было плевать. Сейчас меня волновал друг.

– Рыжий, нужны ключи от машины. Срочно!

– Держи...

Я поймал связку на лету и выбежал из дома. Серый «Мерседес» Бампера стоял недалеко от ворот, и я с ходу завел его.

– Стой! – опомнившийся Рыжий вломился в салон за секунду до того, как машина сорвалась с места. Толкнув меня на соседнее сиденье, сам забрался за руль. – Стас, какого черта вытворяешь? Может, объяснишь?

– Мне нужно в город, быстро.

– Я понял, что не за резинками в аптеку. Куда?

– Не знаю!

Глаза Рыжего сузились, он ударил по рулю и выругался.

– Фролов, или говори куда, или катись нахер! Это отцовская тачка! Узнает, оторвет яйца нам обоим! Отсыпет и за «мерс» и, за дачу по самое не балуйся.

– Да не знаю я! – я тоже орал, и голос мой был еще как серьезен. – Нужен магазин «Веселая тройка»!

– Так их штук пять по городу! Какой именно?

– Не знаю, – откинувшись на сиденье, я закрыл глаза и сжал ладони в кулаки. Надо было хоть немного успокоиться. – Она сейчас там одна, и если я ее оттуда не заберу... Я тебя прикончу, Витек, понял?!

– Ого! – Рыжий отвернулся и заржал. Сунул сигарету в зубы. – Ясно. Подружку потерял, да? Мне казалось, ты с той темненькой вдоволь накувыркался, нет?

Если кому и было сейчас весело, то точно не мне.

– Черт, Рыжий, не твое дело. Или вези, или...

– Или что?! – хитрые глаза сощурились, но «Мерседес» сорвался с места и развернулся. Хотел бы и я так водить, как Бампер. – Или помалкивай, да? Как вчера, когда ты мялся с Инкой?

Я отвернулся. Мне было противно вспоминать вчерашний день.

– Да не переживай, Фрол! У нее на всех зудит. Забыли.

– Пошел ты...

Но лицо Бампера уже стало серьезным.

– Сначала права получи, умник, а потом посылай.

Супермаркетов «Веселая тройка» в городе оказалось шесть штук. Четыре из них, расположенные в людных местах, работали круглосуточно. Не знаю, каким макарон Эльфа занесло в самый дальний, расположенный от Черехино в противоположной стороне города, но когда я, наконец, влетел в последний из них и увидел девчонку, присевшую на корточки у стены и склонившую к коленям голову в белой шапке, – я уже едва не поддался отчаянию.

POV Настя

– Послушай, дочка, это магазин, а не зал ожиданий городского вокзала. По инструкции я уже должен напрячься, учитывая, что ты стоишь в вестибюле который час, привлекая к себе внимание.

– Извините. Но я же не все время. Я выходила.

– Понимаю, но через десять минут магазин закроется на ночной переучет. Исключений для покупателей нет. Тебе придется выйти.

– Пожалуйста, еще пять минут! Он обещал прийти! Пожалуйста!

Взгляд мужчины-охранника угрюм, равнодушен и раздражительно хмур. Я зашла в магазин так давно, что, кажется, сама потеряла счет времени.

– Хорошо, еще пять минут, или я звоню в полицию. Ты не похожа на бродяжку, и хорошо бы родителям тебя найти.

– Да, спасибо. Он обещал...

Он ничего мне не обещал и не мог обещать. Еще утром он ненавидел меня так сильно, что не хотел смотреть в мою сторону. Не знаю, почему я продолжала держать телефон в руке, глядя на черный экран? После разговора со сводным братом старенький гаджет заглох окончательно.

Ноги устали и спина тоже. Школьный рюкзак, полный книг, после всех скитаний по городу казался неподъемной ношей. Из-за страха я перестала чувствовать: замерзла я или нет. Голодна ли? Сейчас мне хотелось только одного: верить, что я не ошиблась и Стас действительно звонил. Что его голос не причудился. Ведь кто-то же должен вспомнить обо мне! Хоть кто-то.

Но ночь была так же пуста, как и десять-пятнадцать минут до этого. Так же снежна и холодна. Где-то далеко спала бабушка, чинил крупную производственную поломку отец с мачехой, весело проводил вечеринку сводный брат...

Зачем он позвонил мне? Почему спросил про ориентир? Он не придет. Он никогда не найдет меня. Зачем я ему? А утром? Куда я пойду утром?

От понимания этого стало так страшно и одиноко, что я закрыла глаза и опустила голову на колени, про себя умоляя время растянуть эти пять минут до бесконечности.

«Я ненавижу тебя. Ненавижу. Всегда помни об этом».

Но я не вспомнила. Я так обрадовалась голосу сводного брата, что на миг охватившей меня радости забыла о его ненависти ко мне и о вечеринке.

– Настя!

– Стас!

Он стоял на пороге магазина, взъерошенный, с горящим взглядом, в распахнутой куртке и расстегнутой на груди рубашке... и тяжело дышал. Как будто внезапно остановил бег. Но это был он, родной человек в этой одинокой до ужаса ночи, и он пришел! Стас и правда нашел меня в огромном городе!

Я вскочила на ноги так стремительно, что едва не упала, споткнувшись о школьный рюкзак. Не в силах сдержать радостной улыбки, кинулась навстречу сводному брату, который широко шагнул ко мне, и замерла на месте за миг до того, как уже готова была поймать крепкие запястья и прижать к себе. Словно снова напоролась на его слова.

«Никогда не касайся меня! Кажется, я просил тебя держаться подальше...»

– Стас...

Мне так хотелось обнять его, быть нужной хоть кому-то, что я почувствовала боль в озябших пальцах. Мне стало стыдно, что не смогла сдержать чувств, и я расплакалась, стоя у его груди. Закрыла лицо руками, пряча взгляд от темно-серых, прожигающих насквозь глаз.

– Скелетина, ты опять ревешь.

– Да. Я думала, ты пошутил. Ты не придешь. Думала, что меня никто и никогда не найдет.

Пальцы Стаса коснулись моих плеч, и мы оба вздрогнули. Он тут же, словно ожегшись, отдернул руки, а я подняла на него глаза. Посмотрела в растерянное, покрасневшее на скулах лицо, оказавшееся вдруг так близко.

– Но я нашел. Ты здорово напугала меня.

– Я не хотела.

– Я знаю. Пошли домой.

Он забрал рюкзак и взял меня за руку. Выпустил запястье сразу же, как только подвел к красивой, уютно урчащей машине, возле которой курил незнакомый парень.

– Садись! – скомандовал коротко и грубо, словно под чужим взглядом смутился своего прикосновения. Закрыв за мной заднюю дверь, забрался на переднее сиденье, бросив под ноги школьную сумку с книгами.

Высокий парень тоже сел в машину. Обернувшись, взглянул насмешливо, заставив сжаться в комок под любопытным взглядом. Он был старше и крепче, но рядом сидел Стас, а я так устала сегодня бояться. А еще в машине было тепло и чисто. И очень хотелось домой.

– Твою ж мать, Фрол! Детский сад. А я-то думал, что ты с некоторого времени повзрослел...

– Рыжий, еще хоть слово...

– Да ладно тебе, школота! У каждого свои недостатки. Бывает.

– Она – моя сводная сестра и ничего больше!

Стас снова сердился. Я испугалась, что незнакомый парень сейчас обидится, но он лишь тихо рассмеялся, тронув машину с места.

– Как скажешь.

POV Стас

Она по-особенному поднимала глаза – как будто с поволокой. Сморгнув дымку с густых ресниц, доверчиво распахивала синий взгляд – открытый, кристально чистый, и хотелось смотреть в ее глаза и видеть свое отражение. Все время, пока она смотрела на тебя.

Я боялся ее взгляда. С тех самых пор, как впервые увидел девчонку. Мне нравилось быть сильным, уверенным в себе, независимым, она же делала меня уязвимым. И за эту слабость я тоже ненавидел ее. За то, что появилась в моей жизни и забралась в душу. Незаметно прокрадась туда, куда я никого и никогда не намеревался пускать. Только не Стас Фролов. Не тот, кто привык играть чужими чувствами и находить в этой игре удовольствие. Короткое удовольствие с очередной девчонкой и ничего больше. Я собирался стать мужчиной, а не половой тряпкой. Я собирался остаться хозяином самому себе.

Так почему руки до сих пор дрожали, а голос охрип? Сердце, не унимаясь, стучало в груди, не остывая от обжигающего кожу холода. Кажется, вламываясь в магазины в поисках скелетины, я совсем забыл, что на дворе зима. Что рядом Рыжий. Не замечая вопросов друга, просил гнать машину быстрее, всматривался в зимнюю ночь, надеясь в свете мелькающих вдоль обочин фонарей увидеть знакомую тонкую фигурку девчонки в светлой куртке.

Я вел себя как дурак в своем страхе.

Кривая ухмылка Рыжего только подлила масла в огонь. Таким одержимым он меня еще не видел. И таким слабым – тоже.

– Как скажешь, – весело огрызнулся друг и перевел взгляд на дорогу. Ну и хрен с ним! Кроме сказанного, мне нечего было добавить.

Я посмотрел в зеркало заднего вида и снова встретился с распахнутыми глазами Эльфа. Сцепив зубы, отвернулся, не понимая себя. Не принимая того, что чувствовал, когда страх, наконец, отпустил. Что сейчас в горле стучало от радости, что нашел девчонку. Нашел, когда почти отчаялся найти. Что она рядом. И что сейчас я изо всех сил старался удержать под контролем, как тогда, когда хотел обнять ее, но испугался своего желания.

Нет, это не было ненавистью. Ненавидеть легко, это чувство всегда делало меня сильнее, сейчас же я чувствовал боль. А еще злость на друга за то, что был рядом. Что видел меня таким. Что узнал о моей слабости раньше, чем я догадался сам.

Рыжий разогнал народ ночным звонком, и когда машина его отца остановилась у открытых ворот в Черехино, – дом оказался пуст. Лишь следы вечеринки, укатанная шинами дорога и по-прежнему орущая из динамиков музыка говорила о том, что еще совсем недавно здесь весело проводили время.

Сводная сестра никак не могла открыть дверь машины, и Бампер со вздохом перегнулся через сиденье, чтобы помочь девчонке. Внимательно посмотрев в лицо, криво усмехнулся, когда она отпрянула.

– Как зовут тебя, найденыш? – спросил он, и услышал в ответ тихое и осторожное:

– Настя.

– В кого ж ты такая хилая, а, Настя? Не кормят тебя, что ли?

– Отвали.

Это сказал я, а девчонка промолчала. Выскользнув из машины, оглянулась и побрела к дому.

– Ну и зачем ты, Витек? Она и без тебя замерзла и устала.

– Вижу, – Рыжий закурил. Щелкнул возле лица зажигалкой, открывая окно. – Причина, видимо, не моего ума дело?

Мне по-прежнему нечего было с ним обсуждать.

– Не твоего.

– Да, Стас, не в аптеку сгоняли. С резинками у вас еще долго не заладится. Детский сад, твою мать...

– Заткнись.

– Ладно, поехал я. Сводная так сводная. Машину у отца без спроса взял, придется выкручиваться.

Рыжий был моим другом, лучшим другом, и я сказал:

– Спасибо.

Хлопнув дверью «Мерседеса», остался стоять, сунув руки в карманы брюк, глядя вслед скрывшемуся в ночи автомобилю...

Я выключил музыку и закрыл окна. В доме было грязно и холодно, как всегда после вечеринки, и пахло травкой. Определенно, мать ожидал сюрприз, но я не хотел сейчас об этом думать. Ни о чем не хотел думать. Сейчас ноги несли меня к Эльфу, и я ничего не мог с собой сделать.

Я нашел ее на кухне. Не знаю, почему она не включила свет. Он мягко падал из холла в открытую дверь, освещая шуплую спину девчонки, что стояла у плиты с чайником, пытаясь зажечь конфорку. Она сняла верхнюю одежду, оказавшись дома, но ей все еще было холодно и хотелось тепла. И в том виноват был я.

Мне ничего не стоило отодвинуть ее в сторону, чтобы помочь, но, клянусь, она занимала так мало места! И была слишком трусливой, чтобы убежать, почувствовав меня за своей спиной. Так близко, что, последний раз всхлипнув, замерла не дыша, когда я забрал из ее рук чайник и зажег огонь.

– Такая худенькая... Скелетина, ты что, недоедала? Ты же с бабкой жила. Пирог, щи, блинчики с творогом и все такое, – прошептал в ее затылок, понимая, что говорю ерунду. Дуряя от того, что могу касаться носом ее волос, чувствовать нежный запах и молочное тепло кожи.

– Она... Она не очень умеет, а я не прошу.

– Ясно.

Она все-таки вздохнула, но не отошла, греясь у моей груди. Склонила голову, опустив руки. Спросила так же тихо:

– Почему нет родителей?

– Когда дело касается работы, мать никогда не следит за временем. Она сумасшедшая в этом плане. Ты... ты все еще боишься?

Мы находились в доме одни, я вел себя с ней достаточно жестоко, ей было чего бояться. Я вспомнил, как ее пальцы осторожно касались моих губ, испачканных кровью. Как будто ей было не все равно.

– Нет.

В кухне стоял полумрак, в доме звенела тишина... Мое сердце в близости от Эльфа билось как безумное, тело горело. Хорошо, что она не могла видеть моего лица, сейчас оно лишилось холодной маски. Мне так давно хотелось до нее дотронуться.

– Стой, скелетина. Не шевелись.

Волосы оказались мягкими. Такими же шелковистыми и послушными под пальцами, как я представлял. Худенькое плечо под моей рукой неловко вздрогнуло, но тут же опало. Я боялся сделать девчонке больно, но отпустить от себя не мог. Потребность чувствовать Эльфа захлестнула меня, я наклонился и коснулся губами шеи...

Подумать только, я ведь мог ее не найти.

– Ты... – прошептал у подбородка, не понимая, что хочу сказать. Не находя нужного слова. – Эльф, ты...

Ладонь медленно скользнула вдоль руки и обхватила тонкое запястье. В пальцы тут же ударил пульс: ее сердце билось так же стремительно, как мое, а тело больше не дрожало от холода. Закрыв глаза, я снова коснулся нежной шеи. Осторожно провел губами к уху, боясь

спугнуть девчонку. Боясь нечаянным, непрощеным прикосновением лишиться себя новых неясных ощущений, что одновременно вливали в кровь жизнь, но забирали дыхание. Что делали меня таким слабым рядом со сводной сестрой. Открытым и уязвимым. Но этим ощущениям я больше не мог сопротивляться.

Это не был просто поцелуй. Он не был тем, чего я обычно избегал с девчонками – необходимой прелюдией удовольствия. Я познавал своего хрупкого Эльфа почти со страхом, впитывая тепло ее кожи, запах волос каждой клеточкой, запоминая с каждым громким биением сердца. Крепко сжимал ее руку, с новой секундой все сильнее пугаясь растущего в груди желания обладать чем-то очень важным, что было спрятано в ней. Только в ней. В моей юной сводной сестре. Внезапно осознавая, что хочу большего. Ответа в синих глазах, такой же неясной боли, что сейчас сжигала меня изнутри. Я не знал. Только чувствовал, что мне мало, мало, мало... Что мне так хочется... Чего? Сжать ее в руках, как куклу? Мучить, как она мучила меня или...

Я не помню, чтобы когда-то так задышался от мысли о близости с девчонкой. От того, что можно увидеть, дотронуться... Больше этого лишь представить ее с другим.

Горло свел болезненный спазм. Я должен отпустить ее, должен. Это просто наваждение, испуг, жалость, чертов страх! Пальцы медленно разжались, отпуская запястье, но ноги отказались отступить. Не знаю, сколько мы простояли так, громко дыша, чувствуя близость наших тел, не замечая, как пронзительно на плите свистит чайник. И как громко из прихожей раздаются голоса родителей...

Мы все же успели отпрянуть друг от друга.

– Настя! Настя, дочка, где ты?! Ты дома, Настя?! Настя!

Батя влетел в кухню, включил свет и остановился как вкопанный, хватая ртом воздух.

– Господи, дочка... – увидев нас, тяжело привалился плечом к дверному косяку и скользнул дрожащей ладонью по бледному лицу. – Слава Богу, ты дома. Слава Богу...

– Конечно, Настя дома, где ей еще быть? Я говорила тебе, что с ней все в порядке. И чего ты, Гриш, в одну секунду как с цепи сорвался?

В кухню вошла мать, бросила сумку на стул. Поездка была ночной, трудной... Сейчас я молился, чтобы она обратила свое внимание на дом, а не на сына с падчерицей, что стояли одни в полутемной кухне.

– Ты же знаешь. Показалось что-то.

– Твое «показалось» будет стоять нам новой поездки и рабочих выходных.

– Извини, Галя, нервы ни к черту.

Мать наконец огляделась. Медленно стянула с шеи платок. Я знал, что пройдет всего пару секунд, и она увидит следы вечеринки.

Осмотрелась. Увидела. Выйдя из кухни, уже через полминуты вернулась, чтобы поднять на меня хмурый взгляд.

– Объясни-ка мне, Стаська, что здесь происходит? Точнее, происходило без нас? – спросила грозно, по-директорски. Сделав шаг к столу, сняла с него недопитую бутылку пива, протягивая перед собой. – Что это?

Плевать! Я с самого начала знал, приглашая в дом друзей, что мне придется за это приглашение ответить.

– Ничего, мам. Вечеринка, как видишь. Была.

Она видела. И сына своего видела насквозь. Это был первый случай, когда я привел в дом такое количество молодежи, не ограничившись лимонадом и конфетами. Не спросив разрешения. Открывал двери спален старшим друзьям, предвкушая, как досажу скелетине. Досадил, твою мать...

– Вечеринка? Видимо, поэтому ты не отвечал на Гришины звонки?!

Из кармана джинсов торчала пачка сигарет и, подойдя ко мне, мать достала ее твердой рукой. Вместе с сигаретами под ноги упала разорванная упаковка презервативов. Я не привык ни от кого прятать взгляд, поэтому и сейчас смотрел выжидающе, кусая губы. Чувствуя стыд лишь за то, что их видит не только она.

Мать не сразу нашлась что сказать. А когда нашлась... Добытые трофеи полетели в мусорное ведро, а дверца шкафа оглушительно хлопнула.

– Не рано ли ты заигрался во взрослого, Стас? Кого ты привел в дом? Что за друзья?

Не самая ужасная реакция родителя, но матери не было нужды обманывать себя: я никогда и не походил на пай-мальчика. У нас был договор об учебе, обо всем остальном ей стоило подумать раньше.

Какая-то мысль мелькнула в ее голове, прокрутились нужные шестеренки, и она тяжело сглотнула.

– Почему Настя плачет? – спросила просевшим голосом, удивленно взглянув на падчерицу. И вдруг требовательно схватила меня за плечо, чего раньше никогда не делала. – Почему она плачет, гаденыш, отвечай! – встряхнула с силой. – Ты что, ты... Твои друзья, они... Настя! – обернулась к скелетине. – Они тебя обидели? Стас тебя обидел?! Господи, девочка...

Слова ударили сильнее пощечины, отрезвляя и возвращая силы. Может быть, я и был сволочью, но никогда до этого монстром в глазах матери. Я заметил, как Батя вскинул голову.

Мне казалось, что скелетина промолчит. Спрячется в панцирь, как делала всегда, когда кто-либо в ее присутствии повышал голос, но она ответила. Негромко и взволнованно, как будто боялась стать причиной нашей ссоры.

– Нет. Все хорошо, Галина Юрьевна, правда! Он не обидел!

– Почему же ты плачешь?

– Я... я просто испугалась, вот и все. А Стас, он... он попросил друзей уйти.

Лгунья. Трусливый Эльф. Я и сам на месте матери не поверил бы ее словам. Я посмотрел на девчонку, и мы встретились взглядами. Зацепились друг за друга, глядя исподлобья, при свете точечных ламп отмечая все изменения, произошедшие с нами.

Ее щеки горели, а глаза блестели. Растрепанные моей рукой волосы обрамляли худенькое лицо. Она так же, как я, переживала случившееся, – уверен, что сейчас сам выглядел таким же взволнованным и оторопевшим. Я только что пережил сильные чувства, испугавшие меня, показал слабость и все еще не мог взять себя в руки. Не мог, но момент отрезвления уже наступил. Если бы мать сейчас спросила меня: сошел ли я с ума? Я бы ответил, что да.

Мне нужна была еще одна пощечина, и я ее получил, перехватив тяжелый взгляд отчима. Сейчас Батя смотрел на меня так, как будто хотел ударить. А затем мать окончательно выбила дурь из головы. Госпожа директор всегда была прямолинейна, и как только увидела злую усмешку, вернувшуюся на мое лицо, врезала по шее. Сильно, больно, так, что захотелось провалиться сквозь землю под испуганным взглядом Эльфа.

POV Настя

– Надеюсь, Настя, все так, как ты говоришь. Иначе, девочка, я не прощу себе, и дело вовсе не в Грише.

Галина Юрьевна, так и не притронувшись к чашке кофе, закурила. Чертыхнувшись на себя за то, что сама виновата в случившемся, затушила сигарету о пепельницу. Я еще никогда не видела ее такой удрученной и не знала, что сказать. Сидела рядом за столом, грея руки о чашку с чаем, стараясь не встречаться с мачехой взглядом, боясь еще больше ее расстроить.

Сейчас я едва слышала, о чем она говорила. Чувства противоречивые и странные, проникшие под кожу с прикосновениями сводного брата, все еще жили во мне, горели огнем на щеках, внося сумятицу в мысли, толкаясь неясной сладкой болью в сердце. Я очень старалась усмирить их, но не могла. Вспоминала слова Стаса, сказанные после драки и прежде, в то утро, когда он разбудил меня в спальне, – и не могла понять его. Не могла понять себя. Того, что между нами произошло.

– Понимаешь, Настя, – продолжила говорить мачеха, глядя на свои пальцы, которые цепко переплелись между собой, – я знаю своего сына. Хочу думать, что знаю. Стаська бы никогда не допустил ошибки в отношении тебя. Не потому, что он у меня хороший или честный парень, здесь я не обманываюсь, вовсе нет. А потому, что не привык себя утруждать. Брат то, что само не идет в руки. Не знает еще, что не в любой карман этими руками влезешь. Есть застегнутые наглухо, скрытые, не по деньгам и не по зубам. Он берет, что дают, а жизнь дает ему много, и это кружит голову. Для того, чтобы дотянуться и взять самому, ему еще нужно дорасти, заматереть. Мой щенок наглый, но ленивый, избалованный. Уж не знаю, понимаешь ли ты, что я хочу сказать? Очень хочется верить, девочка, что понимаешь. Что не скрываешь ничего. Пока еще ты для него за гранью дозволенного, и лучше мне в это верить, иначе, пока не выбью из сына дурь, не успокоюсь.

Едва ли я способна была понять всё сказанное в полной мере, кроме одного:

– Не надо, Галина Юрьевна. Стас правда меня не обидел. Я просто испугалась музыки и... и того, что вас нет, потому и звонила папе. Можно я пойду?

– Конечно, иди, Настя, – мачеха тепло улыбнулась, мыслями уходя в себя. – Я тут еще посижу немного, хоть покурю по-человечески. А то, когда при вас со Стаськой, Гриша ругается.

– Спокойной ночи.

– Господи, что за день? И на работе бардак, и дома. Ты, когда завтра с отцом в больницу к бабушке поедешь, не расстраивай Нину Ивановну, хорошо? Ни к чему ей знать, чем мы здесь живем.

Об этом мачехе можно было не беспокоиться, но я все же ответила, что, конечно, не стану ни о чем говорить. Вышла из кухни и поднялась в свою комнату (теперь я чаще думала о спальне сводного брата, как о своей). Присев на краешек смятой кем-то постели, долго сидела в тишине, зажав горячие ладони коленями, глядя перед собой в окно и размышляя, где же сейчас Стас. Куда убежал из дому от гнева матери, громко хлопнув дверью.

Он появился неожиданно. Просто возник на пороге спальни, войдя без стука, такой же взъерошенный, как в дверях магазина, в расстегнутой нараспашку куртке, простоволосый, с бледным от холода лицом. Вот только взгляд его теперь не искал меня. Сейчас сводный брат смотрел на мои руки и молчал. Я тоже опустила взгляд. Это был прежний Стас, я поняла это по твердо сжатым губам и напряженным плечам, нам обоим было чего стыдиться.

Наконец он вошел и рывком за локоть поднял меня с постели. Тут же, скривившись, отдернул руку, словно коснулся чего-то гадкого. Схватив подушку за угол, сдернул с нее наволочку и бросил на пол, следом стащил простыню.

– Поменяй белье, скелетина, воняет. И помни, что это моя постель, как все в этой комнате, – только сказал и вышел, а мне показалось, что со стуком двери что-то оборвалось в душе. Едва забрезжив светом, разбилось больно о привычно-грубое «скелетина» на мелкие осколки.

Когда я засыпала, я снова плакала. На этот раз не от страха или обиды, а от того, как больно щемило сердце и какой одинокой себя чувствовала.

В выходные я учила уроки, рисовала, стараясь меньше выходить из комнаты, разве что навестила с отцом бабушку. Папа вел себя как обычно и в дороге большей частью молчал, – я знала, что ему со мной не очень интересно. Сводного брата не было видно в доме, и когда отец за ужином задал мачехе вопрос о Стасе, она ответила, что сын в городе у друзей. Хорошо. Я могла выдохнуть. Ужин с мыслью, что сводный брат вот-вот появится и сядет рядом, – был сравним с пыткой. Сейчас я бы никому не призналась, насколько боялась встретиться со Стасом лицом к лицу. Особенно после того, как утром в двери нашла записку: «Расскажешь кому-нибудь – пожалеешь!»

– Настя, привет! – Дашка, как всегда румяная и бодрая, встретила меня у раздевалки и повела к классу. – Представляешь, у нас снова внутришкольное ЧП! – весело сообщила, закинув за ухо синюю прядь. – С ума сойти, еще первый урок не начался, а Воропаева уже ревет! Смотри, утешается у окна с подружками.

Видеть блондинку в слезах было непривычно, и я спросила:

– Почему? Что случилось?

– Да в том-то и дело, что ничего особенного, – Дашка, фыркнув, пожала плечами. – Ничего такого, чего нельзя было предсказать! Ленка Полозова из 11-го «В» рассказала по секрету Динке Губенко, лучшей подруге Маринки, что встречается с павлином. У нее с Воропаевой свои счеты, еще с зимнего бала, вот и отыгралась с утра пораньше, чтобы Маринке день испортить. Все знают, по кому она сохнет с первого класса.

– По кому? – я сегодня проспала, торопилась в школу, поэтому не сразу была готова усвоить информацию. Поставив школьный рюкзак на стол, принялась доставать учебники.

– Да по Фролову же, бабнику! Губенко сообщила, что в пятницу Ленка была у Фрола дома на вечеринке, и они целовались, а эта разревелась. Ну не дура? Можно подумать, такой, как павлин, способен на чувства! Подумаешь, спортзал!

Учебник выскользнул из рук и громко упал на пол. Наклонившись за ним, я никак не могла поднять его внезапно ослабевшей рукой.

– Вот посмотришь, не будет он с Полозовой встречаться. И с Маринкой не будет. Мне Петька говорил, что они с Воропаевым с какими-то ребятами из универа трутся, а у тех девчонки поинтереснее наших будут. И, знаешь что, Насть, я бы ей даже посочувствовала, Маринке, честное слово, если бы она к другим относилась добрее. А так, вот ничуть не жаль. Когда ей Брагин в девятом классе подарил на Восьмое марта коробку конфет, Мариночке они показались червивой фигней за три копейки, и она высыпала их в мусорное ведро. А то, что Борька, в отличие от всех нас в этой школе, самый умный, живет с одной мамой и всю жизнь дает Воропаевой списывать, она почему-то забыла.

Я все-таки подняла учебник и села за парту. Непослушными руками достала из сумки тетрадь и ручку. Раскрыла книгу на нужной странице, собираясь, пока в класс не вошел учитель, еще раз пробежаться взглядом по пройденному параграфу.

«Он бабник», – сказала Дашка, но это слово мало что значило для меня. Не со мной Стас при всех целовался в спортзале и не меня приглашал на вечеринки. В отличие от той девчонки из 11-го «В», в отличие от Маринки, сводный брат никогда и не был моим. Вот только почему я сейчас изо всех сил сдерживала волнение и готова была разреваться? Не потому ли, что даже

по прошествии нескольких дней место на шее, которого Стас касался губами, все еще горело, а в сердце поселилась непонятная тоска?

«Я ненавижу тебя, скелетина. Ненавижу! Всегда помни об этом».

Ему не стоило предупреждать меня запиской. Я бы и так никому не решилась рассказать о том, что случилось. Что касалось лишь нас двоих и чего мы оба, думаю, не могли объяснить.

– Мне кажется, Борька очень хороший человек, – ответила подруге, чувствуя, как костенеют пальцы, а буквы сливаются в неразборчивую строку. – Ему, наверно, было так же больно, как сейчас Маринке. Я бы никогда не смогла так с ним поступить.

– Вот и я о том же! – Дашка устроилась рядом и завопилась с рюкзаком, поглядывая на входную дверь в ожидании Петьки Збруева, со ссоры с которым начинала каждый учебный день. – Торжество справедливости налицо! Так к чему реветь?

– погоди, Матвеева, вот увидишь: война только начинается, – продолжила разговор позже, по пути в столовую. – Впереди голосование и «Зимний бал», прошлогодняя королева так просто не отдаст корону Воропаевой, и борьба за павлина – толстый намек бледной немощи держаться подальше. Вот то, что королем снова выберут Фролова, я даже не сомневаюсь! Хотя, вспоминая прошлый год, с какой быстротой Фрол с друзьями смылся с мероприятия, – ему наши школьные игры до лампочки! Уж лучше бы Борьку Брагина королем избрали, честное слово! Он хоть на городских олимпиадах за честь школы мозги надрывает, а не просто пусто-головой красавчик, как некоторые!

Из разговора с Галиной Юрьевной я знала, что с учебой у Стаса все в порядке, насчет этого между сыном и матерью существовал негласный договор, касающийся личного пространства, денег и прочего, потому осторожно возразила подруге:

– Я думала, Фролов хорошо учится. Слышала, как тренер по баскетболу говорил, – нашлась с ответом, краснея под заинтересованным взглядом подруги.

– Ну, не знаю, – повела плечом Дашка. – Может быть, и хорошо. А только все равно олень! – со вздохом резюмировала она и устремилась к нашему столику.

В столовой было шумно и пахло едой. Петька Збруев сегодня проспал, пришел в школу к началу второго урока, и ему здорово досталось от преподавателя. За опоздание парню предстояло убрать в столовой столики за одноклассниками, и Петька откровенно грустил, выслушивая от друзей смешки и подколки. Сегодня он не обзывал Кузнецову Белкой, не просил дать орешки, а только молча переглядывался с подругой, жуя отбивную и запивая ее компотом.

– Ну и подумай: вытереть стол тряпкой. Что здесь такого? – возмутилась своим мыслям Дашка. – А Терещенко сам дурак, если не понимает.

Действительно, ничего. В моей старой школе мы так и делали, дежурили классами по очереди. Но это была новая школа, платная, со своими правилами, здесь хватало работников для обслуживания детей богатых родителей. Я только хотела предложить Дашке остаться и помочь Петьке с уборкой, как почувствовала на себе тяжелый взгляд. Даже не поднимая головы, знала, чьи глаза остановились на мне.

Секунда оглушительной тишины, во время которой я успела вернуться в тот вечер, когда сводный брат нашел меня, и сердце забилося снова.

Стас вошел в столовую не один. Сел с друзьями за столик, своим появлением заставив обеденный зал заметно притихнуть. Одна из старшеклассниц, красивая темноволосая девочка – та самая Ленка с вечеринки, поняла я, – поставив свой поднос на стол, опустилась рядом со Стасом, и он тут же уверенным ленивым жестом обнял ее, хихикающую и довольную, за плечи. Продолжая смотреть мне в глаза, склонил голову и поцеловал в шею...

Вот видишь, ты такая же, как все. Глупая сводная сестра.

Сознание ослепила вспышка боли и стыда. Я узнала чувство, уколотившее сердце, и испугалась. Я не должна была чувствовать ревность, я не имела никакого права на это взрослое чувство, и все же сейчас в этой столовой не только Маринке стоило труда не показать волнения

и не дать волю слезам. Уткнувшись в тарелку, я отчаянно старалась справиться с собой, мечтая ослепнуть и оглохнуть, чтобы не видеть сводного брата и не слышать звонкий девичий голос, снова и снова повторяющий его имя.

– Так ты не обидишься, Насть, если я сама?

– Что? – кажется, я не расслышала слова Дашки. Подруга выглядела немного смущенной, и я рассеянно подняла голову. – Что сама, Даш?

– Ну, останусь помочь Петьке с уборкой? – сказала она как-то неловко. – Не обидишься?

Нет, я не обиделась. Сейчас я была только рада сбежать из столовой, да и совсем из школы, если бы могла. Возможно, я бы так и сделала, торопливо идя по длинному коридору, спускаясь следом по лестнице, если бы чья-то рука неожиданно не остановила меня.

– Настя? Привет!

Это был Сергей Воропаев, друг Стаса и брат Маринки, и я удивленно уставилась на блондина.

– П-привет.

Он широко улыбнулся, обнажив ряд белых зубов. Прислонился плечом к стене, стоя на ступеньку ниже, преграждая мне путь.

– Куда бежишь? Или от кого? – спросил, словно в воду глядел. – Случайно, не меня ищешь?

– Нет, не тебя, – ответила я и вдруг поняла, что он шутит. Смутьившись, постаралась улыбнуться в ответ. – Просто хотела спуститься в холл, кое-что забыла в раздевалке. Извини...

Шагнула в сторону, собираясь его обойти, когда пальцы Сергея снова обхватили мое запястье.

– Послушай, Настя...

– Да.

Парень прогнал с лица улыбку и теперь смотрел на меня серьезно.

– Ты когда-нибудь бываешь одна? В том смысле, что... погулять по городу, сходить в кино? Тебе ведь отец не запрещает?

Последняя моя прогулка по городу закончилась не очень хорошо, и я даже нахмурилась, вспоминая поздний зимний вечер, холод и панику, охватившую меня, когда поняла, что потерялась.

– Нет, не запрещает. Но мне не очень нравится гулять. Я еще плохо знаю город.

– Жаль, – грустно ответил блондин. – Жаль, что не нравится. Если хочешь, я бы мог показать тебе парочку интересных мест. Здесь поблизости есть каток и кинотеатр. Я подожду тебя после школы, можно? Мы могли бы сходить в кино.

Симпатичный парень, и с настроением все в порядке, вот только вряд ли он сможет помочь мне. И пальцы, не отпускавшие руку, мягко поглаживающие запястье, странно напрягали, как и прямой взгляд голубых глаз. Таких же смелых и недобрых, как у сводного брата.

На секунду показалось, что я смотрю в серые холодные глаза Стаса. Темные, как омуты, и такие же опасно-манящие.

– Н-нет, не уверена, что хочу, Сергей. Извини.

– Плохо, – парень невесело дернул уголок губ. Оглянувшись, запустил пальцы в светлые волосы, отбрасывая пряди со лба. Это простое движение – чуть дерганое и нерешительное снова напомнило о сводном брате, и я невольно отступила. Последнее время я слишком много о нем думала. – Это из-за Стаса, да? Из-за него ты не хочешь пойти со мной гулять? – озвучил догадку Воропаев. – Мы можем не говорить Фролу, и он ни о чем не узнает, – блондин снова смотрел на меня прямо, продолжая изучать лицо и смущать пристальным взглядом. – Настя, я ведь не так много прошу. Всего лишь прогулка друзей в кино и ничего больше.

Он снова улыбался, уверенный, что не откажу. Держал запястье в ладони, не собираясь отпускать, зная, что этим непрошеным прикосновением тревожит меня. Я уже успела понять,

что в этой школе девочкам не принято отказывать таким, как он. Мой друг Егор сказал бы, что Сергей мажор, напыщенный, самодовольный индюк, и я бы с ним согласилась. Хотя значение этого слова до конца смогла понять только сейчас.

Я не хотела с ним идти по многим причинам. Я плохо его знала, к тому же он был лучшим другом сводного брата и мог просто смеяться надо мной. Я часто видела его в обнимку с другими девочками и не чувствовала себя уверенно, находясь рядом. Нет, мне определенно стоило держаться от Сергея Воропаева подальше.

Прозвенел звонок, и я оглянулась. Хотела убежать, обрадовавшись причине, по которой могу оборвать разговор, но парень снова не отпустил меня. Неожиданно я поняла, что на пустой лестнице мы остались вдвоем.

– Настя? Я все еще жду.

Сердце колотилось испуганной птицей: было страшно опоздать на урок, и страшно остаться. Я постаралась взять себя в руки и ответить как можно спокойнее.

– Я не знаю, есть ли Стасу дело до меня. Думаю, что нет. Но я точно знаю, что ему не понравится, если я стану общаться с его лучшим другом. И... я совсем не знаю тебя, Сергей.

– А что, я такой страшный? Несимпатичный? Не нравлюсь тебе? – блондин игриво поднял темную бровь.

– Н-не уверена, – качнула я головой.

– Совсем-совсем не нравлюсь?

Мне не хотелось шутить с ним и очень не нравилось находиться наедине.

– Пожалуйста,пусти. Мне нужно на урок.

– Ничего. Скажешь, что ходила к медсестре. У вас, у девчонок, бывают же эти, как их, – трудные дни, – нашелся Сергей. – Никто тебе и слова не скажет, можешь поверить, проверено.

Это было слишком, и щеки стали пунцовыми. Никогда еще ни с одним мальчишкой так запросто я не касалась подобной темы в разговоре.

Кажется, Воропаев понял, что перегнул с советом. Растерянно поджав губы, согнал с лица улыбку.

– Ну, извини, Настя, неудачная вышла шутка. Я тоже волнуюсь, можешь поверить. Не каждый день стою тут, как дурак, назначая свидания. Да отпущу я тебя, не бойся, просто понять хочу.

– Что именно? – это было непросто, но я старалась смотреть ему в глаза. – Ты же меня почти не знаешь!

– Не знаю, ну и что? Ты мне нравишься, и этого достаточно. Странно другое: почему нравишься? Что в тебе такого особенного, Настя? Я ведь видел тебя в первый день, ну, тогда, когда вы с отцом приехали в дом мачехи. Я помню, какой запуганной и жалкой ты была в своем смешном наряде... Догадался, насколько Стасу твой приезд поперек горла, а ведь он мой лучший друг...

Я больше не могла на него смотреть и опустила глаза, чувствуя, как к губам подбирается дрожь. Боясь расплакаться, закусила их сильно-сильно.

Сергей какое-то время молчал, как и я, но отпускать меня по-прежнему не спешил.

– Я тебе совсем не нравлюсь, да, провинциальная девочка? – спросил с появившейся на лице недоброй ухмылкой. – А ведь я мог пригласить любую другую, не тебя? Неужели мой выбор ни о чем не говорит?

Не говорил. И не мог сказать. Я просто не понимала этого парня.

– Пожалуйста, у меня урок...

– Я буду ждать тебя после уроков за школой, у перекрестка. Пообещай, что придешь.

– Я не знаю... не смогу. Мне надо домой.

– Тогда и я не знаю, буду ли молчать о том, какая ты. Кто ты и откуда взялась!

Я вскинула на Сергея взгляд, и он замолчал. Сглотнув в горле комок, закончил, словно нехотя:

– Маринка не скажет, пока так хочет Фрол, она помешана на нем, а вот я... Упс, могу и проговориться. Поверь, твоя спокойная жизнь в школе тут же закончится. Девчонки не простят бедности и того, что ты спишь в комнате Стаса. Особенно когда узнают, как он тебя ненавидит. Да, я знаю, что это так, он говорил мне.

Сначала сводный брат, теперь его лучший друг. Мир, в котором жил мой отец, в котором жили оба этих парня, продолжал удивлять жестокостью. Какие игры для себя они придумают завтра? И насколько больнее в этом завтра они ранят меня?

Конечно, я не надеялась, что Стас скроет от друга свое отношение к сводной сестре. Он не скрывал его с нашей первой встречи. Но теперь я ни на грамм не собиралась верить Сергею. Не знаю, кто ему нравился на самом деле, но точно не я. А еще... У меня была Дашка, а вместе с ней и Петька Збруев. Мне хотелось верить, что мои новые друзья не отвернутся от меня, даже узнав, в каком смешном пальто и шапке я приехала в их красивый и большой город.

Мне все-таки удалось освободить руку. Опустив взгляд на грудь парня, я прижала ее к себе. Больше не хотелось на него смотреть.

– Делай, как хочешь, Сергей.

– Настя...

Но я уже попятилась, поднявшись на одну ступеньку.

– Мне все равно. Да, Стас ненавидит меня, твоя сестра ненавидит меня, видимо, ты тоже ненавидишь, раз уж тебе нравится со мной играть. Я не пойду с тобой в кино, потому что мы не друзья и никогда не будем: друзей не высмеивают и не унижают. Можешь рассказать, какой жалкой я была, хоть целому миру. Я не знаю этот город и не хочу знать! Я очень надеюсь, что когда-нибудь уеду отсюда!

Я повернулась, чтобы убежать, но он легко вспрыгнул на площадку и загородил путь, но за руку не взял.

– Настя, не убегай! – сказал как-то хрипло, и эта остановка стала последней каплей. Ревность, боль, обида – всего этого сегодня оказалось слишком много для пятнадцатилетней провинциальной девчонки. Закрыв лицо ладонями, я крепко зажмурилась, тщетно пытаюсь сдерживать слезы. Вот теперь я на самом деле была жалкой.

– Пожалуйста, пожалуйста, Сергей, уйди.

Не знаю, сколько я так простояла, но когда решила открыть глаза – Воропаев уже ушел. На лестнице было тихо, урок давно начался... Я не могла в слезах вернуться в класс.

– Извините, можно я у вас посижу? – спросила, спустившись в холл, у немолодой женщины-гардеробщицы, остановившись рядом с ее диванчиком, и та понятиливо кивнула:

– Что, деточка, с урока выгнали, да? За поведение? Ну, посиди. Все лучше, чем на улице по курилкам шастать.

Она держала в руках вязание, считая петли, смотрела в журнал, и я тут же вспомнила бабушку. Как же мне ее не хватало сейчас!

Дашке пришлось сказать, что урок провела в медпункте. В мой прогул подруга не поверила, и на ходу появилась история о головной боли и тошноте. И чудо-таблетке. Хорошо, что Кузнецовой сейчас было не до меня, иначе я сама бы себе не поверила, настолько неубедительно все прозвучало. Петька Збруев за помощь в столовой пообещал ей дать посмотреть какой-то новый фильм, и Дашка весь день без умолку трещала, что терпеть не может боевую фантастику, но раз уж дело коснулось принципа, все равно возьмет и посмотрит. Что она, зря убиралась, что ли? Тем более что Петька (и это по большому секрету) в это воскресенье пообещал прийти к ней домой, чтобы настроить на компьютере какие-то новые видеокодеки. И даже грозился спросить разрешения зайти в гости у ее мамы: ну не дурак ли?

– Да и вообще мне кажется, что не такой уж он и бабуин, каким прикидывается. Знаешь, Настя, есть в нем что-то человеческое.

Определенно в Петьке было много человеческого – в легком, веселом парне, прощающем подруге любую колкость. Все это я слушала вполуха, соглашаясь с Дашкой, но думала о своем. О том, что случилось сегодня за обедом и после, на лестнице. Почему я оказалась такой слабой? Почему не могла защитить себя? Почему мое сердце, прежде никогда не дававшее о себе знать, зажило собственной жизнью, не желая верить тому, что видят глаза? Что слышат уши? Как я могла подумать, что в этом городе мне будет так же легко, как дома в своей школе с друзьями, которых я знала с детства? Что сводный брат на самом деле примет меня за сестру, как полагал отец?.. Из всех моих ожиданий по приезде оправдалось лишь одно, на которое я не смела и надеяться. В этом большом городе только мачеха тепло приняла в свой дом тощую одинокую девчонку. Даже шапка и стоптанные сапоги не стали помехой. И уж точно она не думала надо мной насмешничать.

Я не могла сегодня остаться после занятий на тренировку по чирлидингу и сказала тренеру, что плохо себя чувствую и хочу домой. Кажется, к концу уроков я действительно чувствовала себя неважно. Дашка, фыркнув в кислые лица одноклассниц, утопала следом, даже не придумав своему уходу оправдание. У раздевалки я заметила Стаса и его лучшего друга с сестрой и снова покраснелась от волнения (вот только не стала смотреть в глаза и опускать лицо). Я ничего не могла с собой поделать: почувствовав сводного брата рядом, мое сердце тут же предательски забилося: боль в груди и не думала утихать.

– Что-то наш павлин погрузтел. Полозова его бросила, что ли? – заметила подруга. – Вот был бы знатный ржач! Зато Маринка Воропаева светится, как китайская елка: дешево и ярко. Если бы Фролов сейчас дал добро, уже висела бы на нем звездой! Интересно, – Кузнецова задумчиво скосила взгляд на троицу, – чем бы жила школа, если бы не наши олени с мартышками? Скисли бы все от тоски!.. Ладно, пока, Матвеева, до завтра!

– До завтра, Даш!

– И скажи уже отцу, пусть купит дочери нормальный телефон, что он как жлоб! Вечно к тебе что в рельсу звонить. Так же глухо! И смотри не разболейся всерьез, а то подведем Альбиночку! У нас выступление на носу и Зимний бал!

Телефон у меня и правда работал неважно, иногда отключался, но я ничего не собиралась просить у отца. Без собственного компьютера, аккаунта в соцсетях и «Айфона» я казалась Дашке пещерным человеком, но это не мешало ей со мной дружить.

Я понадеялась, что Дашку не услышал Стас. Я была более чем довольна тем, что имела. Мне бы не хотелось никому доказывать, что это не так.

Я натянула шапку, рюкзак, надела перчатки и вышла из школы. Побрела центральной аллею к проспекту и дальше к остановке, оглядываясь по сторонам. В город медленно, но верно приближался Новый год, декабрь становился суровее, и снег теперь падал на землю лапистый, тяжелый, заноса обочины не снежной колкой крупой, а настоящими мягкими сугробами.

Вот бы взять и очистить сердце от тяжелой грусти, чтобы снова стало таким же чистым, светлым и легким, как этот снег!

Я остановилась и набрала снег в ладони. На солнце он искрился и ослеплял морозной белизной. Подняв руки, подбросила пушистую охапку вверх, глядя, какой красивой метелицей снег опускается под ноги. Рядом засмеялись какие-то школьники, и я, смутившись, отряхнув руки, поспешила к автобусу. Еще немножко, и можно будет спрятать грусть ото всех в своей комнате!

За день рекламщики обклеили остановку новогодними афишами, и теперь она пестрела яркими приглашениями на праздничные спектакли и концерты. Я задержалась возле афиш совсем чуть-чуть, и когда села в автобус – с удивлением увидела на остановке сводного брата. Стас никогда не приезжал домой так рано, я знала, что у него ежедневные тренировки по бас-

кетболу и, как ворчала мачеха, неизвестные дела с друзьями. Он редко когда возвращался домой раньше шести часов вчера... Я невольно задержала на нем взгляд, наблюдая, как сводный брат входит на заднюю площадку, бросает сумку на сиденье и опирается плечами на поручень. Запустив пальцы в заснеженные темные пряди, отводит назад от лица длинную челку, отворачиваясь к окну.

Конечно, он не подошел и не окликнул меня. Мы всегда на людях вели себя так, словно незнакомы. Вот и сейчас в этом автобусе мы снова были чужими, как будто никогда не смотрели друг другу в глаза, никогда не касались руками и никогда не чувствовали тепла наших тел. Как будто в морозный пятничный вечер не спешили найти друг друга.

Но автобус остановился в Черехино, и мы сошли, все еще оставшись незнакомцами. Стас всю дорогу к дому шел позади, заставляя чувствовать, как от его взгляда у меня слабеют ноги и горит затылок. И лишь у ворот отобрал из непослушных рук ключи:

– Давай я сам, скелетина. Возишься тут, неумеха...

Наши руки соприкоснулись, и пальцы обожгло током. Еще не сразу я увидела ключи, упавшие в снег, а он не сразу подобрал их. Сначала были лица, взгляды и серые омуты глаз. Пронзительно острые, словно сталь, и вместе с тем темные, кипучие на дне, словно в них глубоко-глубоко плескалась боль. Мне вдруг показалось, что ему сейчас было так же плохо, как мне.

– Настя? Стас? – мачеха искренне удивилась, увидев нас на пороге дома. Она выглянула из кухни, вытирая руки о фартук, и улыбнулась. Сегодня родители приехали рано, и в доме вкусно пахло: им нравилось готовить вдвоем. – Как замечательно, дети, что вы вернулись. И как неожиданно, что вместе. Отец, дети дома, ставь чайник! – крикнула мужу через плечо и заметила сыну, снимающему обувь: – Стаська, я давно твержу, чтобы ты провожал Настю из школы, нечего тебе в городе до вечера с друзьями шаландаться. Смотри, какая она у нас тростиночка-незабудка, еще обидит кто.

Мы молча раздевались. Стас больше не смотрел на меня, но я могла видеть его плечи: на мгновение они замерли от материнских слов.

– Лучше бы телефон нормальный купила. Что вы жметесь? Можно подумать, живете с трех копеек.

Слава богу, что, в отличие от меня, мачеха не поняла, о ком он говорит. Скрылась вслед за сыном на кухне, коснувшись губами его холодной с мороза щеки. Открыла шкаф, выставляя на стол приборы.

– Ничего, со старым походишь. Не дорос еще чужие копейки считать. Вот заработаешь на новый – купишь, а до тех пор и не мечтай!

– М-м-м... Что здесь у вас с Батей? Пахнет вкусно.

– У нас здесь жаркое и шоколадно-ванильный кекс с миндалем. Пробуем в домашних условиях рецепт нашей пекарни. Настя, девочка, чего стоишь? – окликнула меня мачеха, заметив, что я замешкалась в прихожей. – Мой руки, будем обедать! Потом переоденешься, остынет все!

Это было приглашение, и я не смогла отказаться. Хоть наша семья и была небольшой, мы редко обедали все вместе. Оставив сумку в холле, вымыла руки и присоединилась к родителям. Села на свое место возле сводного брата, чувствуя, как от его близости горят щеки. Сейчас они и вовсе вспыхнули огнем, когда он сказал, лениво потянувшись к тарелке с хлебом:

– Кстати, мать, насчет телефона. Я не о себе говорил. Ходит, как старьевщица, за тебя стыдно.

– А о ком же? – но мачеха уже и сама догадалась. Растерянно смяла в руках салфетку, поднимая на меня глаза. – Деточка, как же так? Действительно, что это мы упустили из виду... Гриша, ну хоть бы ты сказал, что дочери нужно, честное слово! – заметила мужу с упреком.

Отец закашлялся, а я смутилась. Я боялась подобных разговоров и не любила. Галина Юрьевна и так не обижала меня, а у отца хватало своих забот: мне не хотелось быть для них еще большей обузой, и уж тем более послужить причиной ссоры.

Я постаралась сказать убедительно, но голос все равно прозвучал тихо и неуверенно.

– Что вы, Галина Юрьевна! Не надо... Да мне и звонить-то некому, вот разве что бабушке, но мы с папой часто навещаем ее. Я все про нее знаю.

Повисла неловкая пауза, в которую я мечтала сжаться в слепой комок и закатиться под стол. Спасибо отцу, что попытался разбавить паузу неожиданно бодрыми словами:

– Кстати, дочка! К разговору о телефонах... Мне же сегодня с утра твой Егор звонил, тебя спрашивал!

На секунду я забыла обо всем на свете и потянулась взглядом к отцу.

– Егор?

– Егор, – кивнул тот с улыбкой. – Он и раньше звонил, у своей матери телефон узнал, да я все сказать забывал. Неудобно получилось. Мне кажется, он хороший парень.

– Да, очень!

Вот теперь я тоже улыбалась, позабыв о еде. Я очень соскучилась по другу, очень. И мне хотелось услышать о нем как можно больше.

– А... а что он говорил?

– Да так, тобой в основном интересовался. Как ты здесь живешь, с кем дружишь. Привет передавал. Говорил, что очень скучает. Обижается, что не звонишь, но здесь моя вина, дочка, виноват. Сегодня же с тобой перезвоним ему, поговорите. Сама все о себе и расскажешь.

Да, расскажу! Непременно расскажу! И о бабушке, и о городе, и о новой школе! И даже о Дашке!

– Спасибо, папа!

Когда кухонная дверь громко хлопнула, я словно очнулась. Вздвигнув, посмотрела вслед вышедшему из кухни сводному брату, не понимая, что произошло. Чем вдруг смогла обидеть Стаса.

– Галя, я что-то не то сказал? – отец тоже удивленно вскинул брови, но мачеха лишь отмахнулась.

– Пустое, Гриша, – неожиданно рассмеявшись, отвернулась к окну. Продолжала улыбаться своим мыслям – тихо, по-доброму, еще долго рассеянно глядя на падающий за окном снег, пока мы с отцом, боясь ее потревожить, молча заканчивали обедать. – Вот так дела...

У Егора все оказалось хорошо. Мы были соседями, дружили с детства и понимали друг друга с полуслова. Я протрещала с ним почти час в отцовский телефон, закрывшись в своей комнате, не думая, что меня могут услышать из-за стены, и рассказывая о своей жизни. Он знал обо мне все, а хотел знать еще больше.

Да, ко мне хорошо относятся. Да, у отца хорошая семья, работа и большой дом. В городе – новая школа, и у меня появились друзья. Конечно, бабушка чувствует себя значительно лучше! Егор знал, что у меня есть сводный брат, спросил о нем, и я снова ответила, что все замечательно и мы дружим. Это был первый раз, когда я не смогла рассказать другу правду о Стасе, а может, просто не захотела. Я многому еще сама не могла дать название.

Я тоже знала о Егоре все. Какие он любит фильмы, марки машин, какие девчонки ему нравятся и кого бы он хотел пригласить на первое свидание. Он был старше меня на год, и когда влюбился в Сонечку Лапину, хорошенькую дочку учителя физики со своей параллели, мы даже репетировали с ним поход в кино, и он ухаживал за мной, как настоящий парень. А потом мы долго смеялись, когда я не разрешила себя поцеловать.

Егор сказал, что даже его собака скучает по нашим прогулкам, и я поверила. Когда-то детьми мы нашли Муху возле продуктового магазина скулящим от холода щенком, и Егор забрал его себе, грозясь вырастить из пса «настоящего человека». Человека из Мухи, конечно,

не получилось, зато пес оказался крепким щенком дворовой овчарки и через год превратился в грозного Мухтара, которого мы оба любили.

Мой друг не хотел, чтобы я уезжала, но и запретить уехать не мог.

Я пообещала ему, что обязательно буду звонить, и обязательно вернусь. Пообещала, а через минуту после звонка уже стояла у окна и смотрела на заснеженные ворота. На то место, где мы остановились со Стасом, обронив ключи. Где я узнала, как сильно может обжигать пальцы случайное прикосновение и как сильно биться сердце под серым пристальным взглядом.

Но... разве можно так смотреть, если ненавидишь? Если другие девчонки кажутся лучше и красивее? Если я для него никто?

В сводном брате было столько загадок, и ни одну из них я не могла разгадать.

Я вернула телефон отцу и задержалась на кухне с мачехой за вечерним чаем. Рассказала о бабушке, Егоре, о предстоящем в скором времени Зимнем бале. Галина Юрьевна была наслышана о новомодных школьных традициях и пообещала купить мне красивое платье. И, конечно же, обязательно прийти на меня посмотреть. Вопрос был во времени, точнее, в его дефиците (я знала, что родители к Новому году планируют открыть в центре города большое семейное кафе-кондитерскую и заняты проектом под завязку), и мачеха серьезно озадачилась возможностью уделить падчерице внимание.

– Ладно, Настя, ближе к празднику придумаем, как быть. Думаю, Стаска не придет в восторг от мысли, что мы с Гришей будем торчать в школьных дверях, но сына я беру на себя.

Здесь я подумала о том, что в школе не знают, кто мои родители и кем мне приходится Стас Фролов, но сказать об этом мачехе не осмелилась.

– Какая же ты у нас худенькая, Настенька, как веточка, – вздохнула женщина. – Совсем не моя кость. И кровь не моя. Вот смотрю на тебя и понимаю: как была я продавщицей пирожков, так ею и осталась. И Гришу своего понимаю все больше. Ты не обижайся на него. Это трудно, деточка, очень трудно так любить. Как же хорошо, что у тебя доброе, неиспорченное сердце. Вот здесь я никогда не ошибаюсь, уж поверь. Ко всему была готова, а ты оказалась вот такой...

Какой, я не поняла, но за Галину Юрьевну стало обидно. Для меня она была очень красивой и сильной женщиной. И очень доброй. Мне нравилось находиться с ней рядом.

Пришел отец, и я удалилась, пожелав спокойной ночи. Закрывшись в ванной комнате, долго стояла под душем, внимательно рассматривая себя в зеркало. Сетую в душе на то, что мачеха оказалась права и я действительно слишком тощая. И грудь у меня небольшая, пусть тонкая талия и стройные ноги. И волосы я зря обрезала. Совсем не похожа на тех девчонок, что нравились Стасу. Почему-то от последней мысли стало особенно больно.

В соседней спальне играла музыка – я даже не заметила, когда сводный брат включил ее. Он часто слушал рок, оставляя его негромким фоном звучать далеко за полночь, и я привыкла засыпать под эти звуки. Думаю, и родители перестали обращать на них внимание. Вот и сейчас, переодевшись в ночную рубашку и высушив волосы, забралась в постель, уставившись грустным взглядом в окно, за которым продолжал тихо падать снег...

...И краситься совсем не умею.

...А прическа у Маринки сегодня была красивая.

...Да и у той девчонки из столовой – тоже.

...Интересно, кто-нибудь когда-нибудь поцелует меня вот так же открыто при всех? Или постесняется?

...И почему этот Воропаев вздумал насмешничать надо мной? Неужели я кажусь такой глупой?

...Глупый жалкий Эльф, вот я кто.

Стас пришел, когда все в доме уже спали, а комнату освещал лишь косой луч уличного фонаря и снежный свет ночи. После случая с вечеринкой он не заходил ко мне, я почти спала и не слышала звука шагов, когда увидела его в темноте, нависшего над моей кроватью.

Он был раздет, в одних штанах, стоял и смотрел на меня, вырисовываясь на фоне окна темной, широкоплечей тенью.

– Стас? – от неожиданности я села, подтянув одеяло к груди. – Ты?

Обычно я никогда не заговаривала с ним, если он заходил в свою спальню, делая вид, что меня для него не существует. Молча садился за компьютер или брал вещи. Но сейчас он выглядел так, словно я существовала. Словно на мне сосредоточились все его мысли. Мне показалось, что Стас напряжен и зол. Почувствовав принужденность в высокой фигуре, я не смогла, как раньше, просто закрыть глаза.

– Кто он тебе?

– Кто?

– Егор. Кто он тебе? – сводный брат спросил это хрипло, с нажимом, непривычно просевшим голосом.

Я с удивлением пробормотала:

– Друг, – до этого момента Стаса никогда не интересовали мои друзья и я сама, моя прошлая жизнь. Было странно услышать от него вопрос о Егоре.

– И все?

В тихом голосе звенело непонятное ожидание. Я отвела от лица волосы, упавшие на щеки спутанными прядями, и подняла подбородок.

– Я не понимаю...

Руки Стаса вдруг оказались на моих запястьях и резко вскинули меня вверх. Мгновение, и я уже стояла на коленях, уронив одеяло, глядя ему в лицо распахнутыми глазами.

– Скелетина, я спросил: кто он тебе? Почему звонит? Почему по тебе скучает?

От Стаса исходил влажный жар разгоряченного тела и пахло свежестью морозной хвои. Темные волосы мокрыми прядями падали на лоб... В его новой спальне, в отличие от моей, не было ванной комнаты, и я подумала, что он наверняка спускался вниз, чтобы принять душ. Странная мысль, неуместная, но почему-то именно в ней было что-то запретное и волнующее. Такое же острое, незнакомое, как близость сводного брата. Такое же приятное, как его запах, с первой ночи в этой комнате проникший под кожу.

Еще недавно в столовой Стас не замечал меня, а сейчас крепко держал в руках, смотрел в лицо, и пусть наши взгляды разделяла ночь, я все равно чувствовала на себе его глаза – ищущие и злые.

– Ты его любишь? Любишь, скелетина?! Скажи!

Конечно, я любила Егора. Он всю жизнь был моим лучшим другом! Но Стас спрашивал о чем-то другом, я это чувствовала и не могла так быстро найти ответ. Видимо, он расценил мое молчание как согласие.

– Я не хочу, слышишь! Не хочу, чтобы ты... Чтобы ты с ним... – но что «не хочет», не договорил. Сжав запястья сильными пальцами, потянул меня на себя и вдруг замер, опустив взгляд на мое оголившееся плечо.

Ночная рубашка Галины Юрьевны была красивая и теплая, с длинными рукавами, вот только совсем не по размеру ее падчерице. Оттого, что Стас держал меня за руки, тонкие завязки у шеи растянулись, и горловина сползла. Я вдруг смутилась. В сумраке ночи моя кожа показалась мне слишком бледной, а плечо худым. Легко освободив руки из ослабевших пальцев сводного брата, я неловко прикрыла его, не зная, куда спрятать глаза. Хотела бы и я сейчас смотреть на Стаса так же смело и открыто, как та незнакомая девчонка из школы, но не могла. Я все еще помнила о его словах.

Он тоже молчал. Отпустив руки, не отошел, продолжая смотреть на меня. Медленно я сползла с кровати и потянула на грудь одеяло. Даже в темноте было неловко чувствовать себя тощей и хрупкой рядом с высокой и крепкой фигурой брата. Неуклюжей сводной сестрой. Наверняка он завтра вспомнит и еще посмеется надо мной. Над тем, в каком балахоне я сплю.

Я вдруг изумленно вскинула глаза, заметив, как рука Стаса поднялась и зависла в воздухе, словно он хотел и вместе с тем боялся коснуться меня. Сердце бешено застучало, в ушах зашумело, а в груди больно заныло вскинувшее голову ожидание, – томительно-сладкое и незнакомое. Мне вдруг отчаянно захотелось, чтобы это произошло. Чтобы он так же, как тогда на кухне, дотронулся до меня. Согрел. Оказался ближе, чем я смела надеяться, пусть на несколько минут заставив почувствовать себя кому-то нужной.

Ведь мне не приснился тот вечер, не приснился. В тот поздний вечер он совершенно точно не ненавидел меня.

Я затаила дыхание в ожидании его прикосновения, и он дотронулся. Коснувшись шеи, проник пальцами под ткань ночной рубашки и несмело оголил плечо, будто боясь того, что делает. Вдохнул сквозь приоткрытые губы шумно, отрывисто, словно его легкие обжег морозный воздух, оставив горячую ладонь согреть меня, осторожно поглаживая кожу.

– Эльф, – произнес так тихо и неожиданно ласково, что захотелось ответить ему.

– Да.

– Тебе холодно?

– Нет.

– Ты дрожишь.

Теперь мы оба стояли напротив окна, и я могла видеть его лицо. Сейчас он выглядел серьезным и сосредоточенным, как будто пытался что-то усмирить в себе. Дом спал, спали родители, и снова казалось, что мы на всем свете совсем одни.

– Скажи мне, Эльф. Скажи, что он для тебя никто. Скажи.

Я поняла без слов. Но если бы и хотела, то не смогла бы ему соврать. Егор был частью моей жизни, добрым соседом и хорошим парнишкой, я не могла предать его.

– Егор мой друг, и я его люблю.

Не знаю, зачем только сказала – лучше бы промолчала, но Стас уже отшатнулся от меня, отдернул руку от плеча, как будто обжегся о кожу. Я тут же стянула ночную рубашку у горла, почувствовав холод там, где мгновение назад были его пальцы. Стыд и смущение вскинули голову, заставив заалеть щеки. Я не могла ошибиться, и ненависть снова была тут, между нами. Горела в сердце сводного брата едким пламенем, разъедавая красивое лицо, нечаянно разожженная из угля в костер моими словами.

– Скелетина... Я ненавижу тебя. Ненавижу! Зачем ты приехала сюда? Чего ты от меня хочешь?! Любишь, так убирайся! Убирайся из моего дома и моей жизни! Я не могу вот так больше... Не хочу!

Я снова плакала, глядя в закрытую дверь, не понимая, что с нами происходит. Стас ушел, и с его уходом вновь стало одиноко и холодно.

– Внимание! 10-й «Б»! Будьте же людьми, в конце концов! У вас есть пять минут для того, чтобы определиться с выбором и передать эстафету дальше! Не знаю, кто как, а я не собираюсь торчать с вашим классом всю перемену! У меня еще два класса не проголосовавших!

Светленькая и полненькая Ника Крапивина, президент школы и выпускница, тряхнув косой, с картонным ящиком в руках протопала между рядами парт и остановилась у доски.

– Время пошло! – топнула ногой, хмуро сверкая на наших мальчишек из-под густой челки строгим взглядом. – И чтоб без пошлых шуточек, Терещенко, попрошу! Записки с фамилиями кандидатов будет проверять сам директор!

Класс гудел, впрочем, как и вся школа, в преддверии новогодних каникул и Зимнего бала. Сегодня проходило общешкольное голосование, выбирали короля и королеву среди старшеклассников, и открытым спорам не было числа.

– А за себя проголосовать можно? Лично я себе нравлюсь! – это выкрикнул с задней парты тот самый Лёва Терещенко, и Дашка, хмыкнув, тут же покрутила у виска пальцем.

– Вот дурачок!

– А что? У каждого льва должен быть честный шанс стать королем! Правду я говорю, Ника?

– Тебе, Терещенко, можно все! В виде исключения! – согласилась Крапивина-президент. – Только не удивляйся потом, если станут говорить, что школьный король похож на мартышку!

– Что? Такой же красивый?

– Такой же глупый кривляка!

Дашка подтянула к себе лист бумаги, взяла ручку и повернулась ко мне:

– Не знаю, как остальные, а я проголосую за Борьку Брагина. Вот уж кто не олень и не бабуин, как некоторые. И не жила, всегда списать даст. А за девчонок и не подумаю голосовать, все равно выберут Маринку Воропаеву, вот увидишь. А ты за кого, Насть?

Одноклассники переговаривались и смеялись, шептались друг с другом, спорили с важной Никой. В моей старой школе никогда не было новогоднего бала, только общешкольный утренник да праздничное поздравление учителей в классе, подобное голосование я видела только в кино, поэтому наблюдала с интересом. А вот ответила немного растерянно:

– Я не знаю. Но обязательно выберу! – тут же заверила подругу в ответ на ее озадаченный взгляд. – Из других классов ведь можно? – осторожно спросила, и Дашка утвердительно кивнула.

– Можно. Хоть самого павлина! У нас в школе плюрализм мнений, демократия взглядов и никакого давления! И, Насть, – все же заметила она, потянув меня за рукав, когда я уже склонилась над листом бумаги, – если что, насчет Фролова я пошутила. Уж лучше Брагин, поверь мне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.